

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Мустафа Тунч (Mustafa Tunç) и Феджире Тунч (Fecire Tunç) против Турции»¹

(Жалоба № 24014/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 14 апреля 2015 г.

По делу «Мустафа Тунч и Феджире Тунч против Турции» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, *Председателя Большой Палаты*,

Йозепа Касадеваля,

Марка Виллигера,

Изабель Берро,

Ишиль Каракаш,

Инеты Зиемеле,

Луиса Лопеса Герры,

Мирьяны Лазаровой Трайковской,

Ноны Цоцория,

Здравки Калайджиевой,

Винсента А. де Гаэтано,

Ангелики Нуссбергер,

Пола Лемменса,

Хелены Ядерблом,

Кшиштофа Войтычека,

Фариса Вехабовича,

Роберта Спано, *судей*,

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 16 апреля 2014 г. и 18 февраля 2015 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 24014/05, поданной против Турции в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) двумя

гражданами Турции: Мустафой Тунчом (*Mustafa Tunç*) и Феджире Тунчом (*Fecire Tunç*) (далее – заявители) 24 июня 2005 г.

2. Мустафа Тунч умер 9 февраля 2006 г. Его сын Йюксель Тунч (*Yüksel Tunç*) в письме от 10 марта 2006 г. сообщил Европейскому Суду, что он намерен участвовать в рассмотрении жалобы в Европейском Суде как наследник умершего.

3. В Европейском Суде интересы заявителей, которым была оказана правовая помощь, представляли королевский адвокат Марк Мюллер (*Mark Muller, QC*), Мишель Батлер (*Michelle Butler*) и Катриона Вайн (*Catriona Vine*), адвокаты, практикующие в Соединенном Королевстве, которые обратились за помощью к Кериму Йылдызу (*Kerim Yıldız*) из неправительственной организации «Курдский проект по правам человека», и к Санийе Каракаш (*Saniye Karakaş*) из коллегии адвокатов г. Диярбакыра (*Diyarbakır Bar*). Власти Турции (далее также – власти государства-ответчика) представляли Шенер Дальян (*Şener Dalyan*), начальник управления (Министерство юстиции), Нурдан Окур (*Nurdan Okur*), начальник главного управления (Министерство юстиции), Левент Тифтик (*Levent Tiftik*) и Хюсейин Чекен (*Hüseyin Çeken*) (Министерство обороны), Назлы Булут (*Nazlı Bulut*), Окан Ташделен (*Okan Taşdelen*) и Мехмет Ёнджю (*Mehmet Öncü*) (Министерство юстиции) и Айшен Эмюлер (*Ayşen Emüler*) (Министерство иностранных дел).

4. Ссылаясь, в частности, на статью 2 Конвенции, заявители критиковали власти, *inter alia*³, за непроведение эффективного расследования по факту смерти их родственника, а также утверждали, что не были установлены конкретные обстоятельства его смерти.

5. Жалоба была передана во Вторую Секцию Европейского Суда.

6. 4 марта 2010 г. Европейский Суд уведомил власти Турции о жалобе.

7. 25 июня 2013 г. Вторая Секция, заседавая в следующем составе: Гвидо Раймонди, Председателя, Дануты Йочиене, Пэра Лоренсена, Андраша Шайо, Ишиля Каракаш, Нейбоша Вучинича и Хелены Келлер, судей, а также при участии Стенли Найсмита, Секретаря Секции Суда, вынесла Постановление, в котором установила четыремя головами против трех, что имело место нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции, и единогласно, что остальные жалобы являлись неприемлемыми для рассмотрения по существу.

8. 25 сентября 2013 г. власти Турции обратились с ходатайством о передаче дела в Большую Палату в соответствии со статьей 43 Конвенции. 14 ноября 2013 г. коллегия Большой Палаты удовлетворила данное ходатайство.

¹ Перевод с английского языка Ю. Ю. Берестнева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 14 апреля 2015 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

³ *Inter alia* (лат.) – в числе прочего, в частности (*примеч. переводчика*).

9. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Суда. Впоследствии судья Ян Шикута взял самоотвод и был заменен судьей Полом Лемменсом, запасным судьей.

10. Слушание проводилось в открытом режиме в здании Европейского Суда в г. Страсбурге 16 апреля 2014 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейском Суде выступили:

(а) со стороны властей Турции:

Ш. Дальян, Уполномоченный,

Х. Чекен,

Н. Окур,

О. Ташделен,

М. Ёнджю,

Н. Булут,

Л. Тифтик,

А. Эмюлер, адвокат, советники;

(б) со стороны заявителя:

М. Мюллер, королевский адвокат,

М. Батлер, адвокат,

С. Вайн,

С. Каракаш, советники.

Европейский Суд заслушал Мюллера, Батлера, Дальяна и Чекена, а также их ответы на поставленные судьями вопросы.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

11. Мустафа Тунч родился в 1946 году, а умер в 2006 году. Феджире и Йюксель Тунчи родились в 1952 и 1975 годах соответственно и живут в г. Стамбуле. Они являются отцом, матерью и братом Джихана Тунча, который родился 20 ноября 1983 г. и умер 13 февраля 2004 г.

A. ПРЕДЫСТОРИЯ ДЕЛА

12. Джихан Тунч был призван в армию в августе 2003 года для прохождения обязательной военной службы. В медицинском заключении, составленном до его призыва в армию, было указано, что отсутствуют противопоказания к несению военной службы. Известно, что он не страдал от какого-либо психического расстройства и не имел иных особых проблем.

13. В неустановленную дату Джихан Тунч получил звание капрала. После учений, которые закончились 31 ноября 2003 г., ему присвоили звание сержанта.

14. Затем он был направлен для охраны объекта, принадлежащего частной нефтяной компании ОАО «Туркс Перенко» (*NV Turkse Perenco*) (далее – «Перенко»), охрану которой осуществляла центральная жандармерия г. Коджакёй (*Kocaköy*).

15. 13 февраля 2004 г., приблизительно в 5.50, он был ранен из огнестрельного оружия. Он являлся одним из жандармов, несущих караульную службу, и был назначен на караульный пост, известный как «башня № 3». Инцидент произошел на караульном посту, известном как «башня № 2».

16. После инцидента Джихан Тунч был немедленно доставлен в госпиталь сержантом А.А., солдатом М.Д., которых сопровождал солдат М.С., который был последним, кто видел Джихана Тунча до инцидента.

17. Вскоре после прибытия в военный госпиталь г. Диярбакыра (*Diyarbakır*) была констатирована смерть Джихана Тунча.

18. Военная прокуратура 7-го армейского корпуса, расположенная в г. Диярбакыре, была проинформирована сразу же после инцидента, и в соответствии с установленной процедурой было возбуждено судебное расследование.

19. Через несколько часов после инцидента сотрудник этой прокуратуры, военный прокурор Е.О., пошел в госпиталь, в который был доставлен Джихан Тунч, и где по его поручению к нему присоединилась группа экспертов по уголовным расследованиям из национальной жандармерии. Кроме того, он направил еще одну бригаду на место происшествия и просил прокурора г. Коджакёй (гражданского прокурора) присутствовать там, чтобы осуществлять надзор за предварительным расследованием и принимать любые меры, необходимые для сбора доказательств.

В. МЕРЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

1. В госпитале

20. По прибытии в госпиталь военный прокурор приказал, чтобы наружный осмотр тела и вскрытие проводились под его контролем.

21. Были сделаны несколько фотографий тела. Одежда погибшего была снята и отправлена для лабораторного анализа с целью определения состояния, с которого был произведен выстрел. Были взяты отпечатки пальцев у погибшего и у М.С., который являлся последним человеком, который видел Джихана Тунча живым и, следовательно, мог участвовать в инциденте. Кроме того, был сделан смыв с их рук для проверки на наличие следов пороха. В заключение была составлена опись содержимого карманов убитого.

22. Затем прокурор поручил судебно-медицинскому эксперту Л.Е. осмотреть тело с целью установления причины смерти и дачи разъяснений относительно обстоятельств смерти.

23. Судебно-медицинский эксперт зафиксировал следующие результаты осмотра: рост 1,75 м, входное отверстие, опоясанное ссадинами, находилось на правой стороне шеи, а выходное отверстие

размером 4 × 2 см было на левой стороне спины, под нижнем краем лопатки. Судебно-медицинский эксперт не нашел на теле никаких следов побоев или насилия. Он утверждал, что смерть наступила в результате кровоизлияния, вызванного пулевым ранением, и что пуля пробила трахею и легкое. Он также отметил, что, вероятно, выстрел был произведен в упор (*yakın atış*). Эксперт основывал свой вывод на наличии определенных следов продуктов выстрела. В соответствующей части своего заключения по данному вопросу эксперт отметил следующее:

«На коже в области шеи и на правой стороне лица не было обнаружено пигментации кожи в результате ожога или действия газов. Следы пороха были отмечены только на правой стороне лица, на изгибе нижней челюсти».

24. Все эти замечания были занесены в документ, озаглавленный «Заключение о патологоанатомическом исследовании вскрытия».

25. Военный прокурор также допросил солдата М.С. и сержанта А.А. (см. §§ 37–45 и 46–50 настоящего Постановления), которые прибыли в госпиталь на транспортном средстве, перевозившем тело Джихана Тунча.

2. На объекте компании «Перенко»

26. Одновременно с этим, через несколько часов после произошедшего, группа экспертов из криминалистической лаборатории национальной жандармерии г. Диярбакыра и гражданский прокурор г. Коджакёй прибыли на место происшествия, получив соответствующие распоряжения от военного прокурора, в производстве которого находилось дело.

27. Согласно отчету прокурора г. Коджакёй на объекте были в общей сложности шесть караульных постов: наблюдательная вышка, известная как «высокая башня», и пять сторожевых постов. Инцидент произошел в сооружении площадью 2 × 2 м и высотой потолка 2,33 м и проемами, расположенными на высоте 1,5 м от земли.

28. В отчете также отмечалось, что два не стреляных патрона и стреляная гильза были найдены лежащими на земле в помещении караульного поста. На потолке имелся след от пули, указывающий на то, что был произведен выстрел. Небольшие фрагменты цементных обломков потолка были найдены на полу, который был покрыт большими пятнами крови.

29. В отчете также говорилось, что беглый осмотр оружия погибшего, винтовки типа Г-3, которое было помещено под замок до прибытия прокурора, показал, что незадолго до того им пользовались. Согласно отчету данное оружие, так же как оружие, принадлежавшее солдату М.С., винтовка типа МГ-3, которой на первый взгляд не пользовались, были отправлены в лабораторию для научного анализа.

30. В заключение в отчете уточнялось, что были сделаны подробные записи, два схематических рисунка, фотографии и видеозапись.

С. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ

31. В соответствии со сложившейся практикой административное расследование проводилось по распоряжениям начальника жандармерии провинции с целью установить обстоятельства инцидента и прийти на основании них к каким-либо выводам для того, чтобы подобный инцидент не повторился.

32. В неустановленную дату тело погибшего в сопровождении старшего сержанта V.Ç. было доставлено в г. Анкару для его транспортировки в г. Стамбул и передачи семье. Управление жандармерии провинции Стамбула просили связаться с семьей и провести приготовления для похорон.

Д. РЕЗУЛЬТАТЫ ЛАБОРАТОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

33. 16 февраля 2004 г. криминалистическая лаборатория жандармерии составила экспертное заключение (заключение № 2004/90 химическое). В данном заключении указывалось, что исследование образцов смывов с рук погибшего и М.С. с применением технологии так называемой атомно-абсорбционной спектроскопии выявило наличие свинца, бария и сурьмы на руках погибшего, а также наличие бария и сурьмы на руках М.С. Отметив, что наличие этих элементов являлось результатом того, что оружие было разряжено вследствие выстрела, в заключении указывалось, что остатки пороха содержали микрометрические частицы, которые очень легко передаются с одной поверхности на другую, и что эти остатки свободно переносились на руки при оказании первой помощи.

34. В заключении также отмечалось, что исследование одежды Джихана Тунча показало, что он стал жертвой выстрела в упор.

35. 17 февраля 2004 г. криминалистическая лаборатория национальной полиции г. Диярбакыра также составила свое экспертное заключение (№ BLS-2004/464) после баллистической экспертизы, проведенной по стреляной гильзе и двум винтовкам, найденным на месте происшествия. Результаты исследования свидетельствовали, что две винтовки находились в нормальном состоянии и подтверждали, что стреляная гильза была из оружия Джихана Тунча.

Е. СЛУШАНИЯ

36. В рамках расследований, проводившихся военной прокуратурой, и внутреннего расследования, проводившегося жандармерией, в день инцидента были допрошены многочисленные военнослужащие.

1. Допрос М.С.

37. В своих показаниях военному прокурору М.С. утверждал:

«Джихан прибыл на башню, где я должен был дежурить 15–20 минут, прежде чем он должен был сменить меня, поскольку это место смены караульных... Он сказал мне, что у него неприятности... Когда я спросил у него, какие, он ответил: “Забудь, это не твоё дело, в любом случае ты не поймёшь”. Его ответ задел меня, у меня создалось впечатление, что он считал меня недалеким человеком. Я закурил сигарету, и [Джихан] пошел в башню... он начал играть с ручкой затвора своей винтовки. Я вошел внутрь и сказал ему, чтобы он прекратил... Он ответил мне, чтобы я не лез в его дела, и пошел выкурить сигарету... В этот момент я вышел... Я был в пяти-шести метрах от башни, когда услышал выстрел. Я вбежал внутрь. [Джихан] лежал на земле... его винтовка была у него в правой руке, а ствол был на плече. Я снял винтовку и попытался привести [Джихана] в чувство, встряхивая его, потекла кровь... Затем прибыл сержант А.А. [с другими солдатами]».

38. Отвечая на вопросы прокурора, М.С. сказал, что у него не было конфликта и проблем с Джиханом Тунчем ни во время дежурства, ни до него. Он подтвердил, что не пытался забрать оружие из его рук в тот момент. Он утверждал, что не стрелял в своего сослуживца.

39. Отвечая на другой вопрос, он заявил, что, когда Джихан Тунч несколько раз передергивал затвор своей винтовки, он видел, что из нее высыпались не стреляные патроны.

40. В ходе допроса его следователем жандармерии, ведущим расследование, он заявил:

«Сержант А.А. прошел мимо около 5.00 во время своего патрулирования, чтобы провести проверку. Джихан Тунч прибыл вскоре после этого, приблизительно в 5.50... Он вошел в караульную башню и начал играть со своим оружием, он три или четыре раза передернул затвор, вынул магазин и вставил его обратно. Я попросил его прекратить это делать и сказал, что нас обоих накажут, если неожиданно войдет старший офицер... Он остановился на мгновение. Я стоял в семи или восьми метрах от него. Затем, находясь снаружи караульного поста, я два или три раза слышал звук взводимого курка, а затем звук выстрела... Джихан лежал на земле, оружие было у него на груди. Я пытался привести его в чувство. В тот момент прибыли сержант А.А. и другие солдаты, чтобы оказать нам помощь. Мы перенесли Джихана к [нефтяному] контейнеру и на машине “Рено”, принадлежавшей компании “Перенко”, доставили его госпиталь г. Диярбакыра...».

41. На вопрос «Как вы объясните тот факт, что на месте происшествия были найдены не стреляные патроны?»¹ М.С. ответил, что у него нет объяснения. Он также сказал, что, возможно, патроны выпали, когда Джихан Тунч передергивал затвор.

42. Отвечая на другой вопрос, он сказал, что не может утверждать, находился ли магазин в оружии

в момент инцидента, поскольку тогда не обратил на это внимания.

43. Следователь также спросил М.С. о взаимоположении оружия и Джихана Тунча. Более конкретно он спросил, стоял или сидел последний, когда занимался своей винтовкой. М.С. пояснил, что, когда он находился внутри караульного поста с Джиханом Тунчем, последний направил оружие к потолку и зарядил его, а затем вынул магазин и передернул затвор, чтобы извлечь заряженный патрон. Когда он покидал караульный пост, он видел Джихана Тунча, который сидел на ящике для боеприпасов. В то время, когда он был на улице, он дважды слышал звук взводимого курка, а затем выстрел.

44. В заключение следователь допросил М.С. о положении оружия. Со слов М.С., его собственная винтовка находилась на стойке внутри караульного поста, а его штатив был сложен. Оружие Джихана было у него на груди.

45. В этих двух показаниях место, где произошел инцидент, описывается взаимозаменяемыми терминами «дежурный пост № 4» (4 no.lu nöbet mevzisi) или «башня № 4» (2 no.lu kule).

2. Другие устные показания

46. В своих показаниях военному прокурору сержант А.А. указал, что он слышал ружейный выстрел и вместе с несколькими солдатами бросился к тому месту, откуда прозвучал выстрел. Они нашли Джихана Тунча лежащим на земле. После попытки нащупать у раненого пульс А.А. приказал доставить солдата в столовую, а затем в госпиталь.

47. Что касается караульных постов, сержант А.А. отметил, что были три поста. Первый находился при въезде на объект (гауптвахта) (nizamiye), второй, известный как «низкая башня», хотя в действительности располагался на четвертой позиции от входа, был также известен как «башня № 2», поскольку два предыдущих поста не использовались. Третий пост был известен как «башня № 3» или «высокая башня».

48. А.А. также заявил, что, насколько он знает, у Джихана Тунча с М.С. не было никаких проблем.

49. Отвечая на вопрос прокурора, он повторил оценку событий, которая была ему доложена М.С. Данная оценка соответствует заявлению, сделанному М.С.

50. А.А. дал аналогичные показания следователю жандармерии, занимавшемуся расследованием.

51. Капитан S.D. и старший сержант C.Y. сообщили, что они узнали об инциденте, когда находились в казармах Коджакёй. По прибытии на место происшествия они очень быстро осмотрели помещение, не нарушив общую картину произошедшего инцидента. Они видели стреляную гильзу и два патрона для винтовки Г-3, один на земле, а другой на стойке. Они также увидели кровь на земле.

¹ Курсив в тексте оригинала Постановления (примеч. редактора).

52. Сержант А.К. дал следователю следующие показания:

«Джихан находился на дежурстве на посту № 2... Во время моего обхода, в 5.15... все было в порядке. Я обменялся несколькими словами с Джиханом, который дежурил на высокой башне... Когда я прибыл на место происшествия, М.С. пытался поднять Джихана».

53. Что касается положения магазина, сержант А.К. заявил, что в тот момент он не обратил на это внимания. Тем не менее он вспомнил, что после перемещения тела Джихана в столовую, солдат С.К. вернулся и принес ему оружие, и он заметил, что магазина не было месте в винтовке.

54. На вопрос «Почему инцидент произошел на караульном посту № 4, где находился на дежурстве М.С., в то время как Джихан Тунч был назначен в высокую башню?» он ответил:

«Я не знаю. Вполне возможно, что Джихан покинул свой пост, чтобы пойти туда, поскольку срок его дежурства почти истек. Когда я делал обход, приблизительно в 5.15, Джихан был на своем посту в высокой башне».

55. Солдат С.К. подтвердил показания А.К., указав, что оружие и магазин были снаружи караульного поста и что магазина не было в винтовке.

56. Солдат Е.С. пояснил, что, когда он прибыл на место происшествия, М.С. пытался поднять Джихана. Он также подтвердил, что магазина в винтовке не было.

57. Следующие дополнительные подробности были получены из других показаний: Джихан Тунч прибыл неделей ранее на объект фирмы «Перенко» в команду по охране, состоявшей из 15 человек. У него не было проблем, и он не конфликтовал с другими солдатами.

На момент инцидента солдат С.С. нес караульную службу на первом караульном посту, расположенном при въезде на объект.

После того, как А.А. и другие военнослужащие прибыли на место происшествия, М.С. был отправлен за помощью.

Г. ПРОТОКОЛ АДМИНИСТРАТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

58. Принимая во внимание отсутствие семьи, социальные и психологические проблемы у погибшего, а также тот факт, что он находился на караульном посту, на который был назначен один из его сослуживцев, положение и расстояние (выстрел в упор), из которых был произведен выстрел, расследование пришло к выводу, что инцидент был случайностью. Однако очевидно, что в начале расследования рассматривалась версия противозаконного убийства.

Г. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

59. 30 июня 2004 г., постановив, что отсутствуют основания для установления того, что какое-либо лицо было ответственно за смерть Джихана Тунча, прокуратура вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного преследования. Прокурор изложил все доказательства, собранные в ходе расследования. Он пришел к выводу, что выстрел был произведен, когда молодой человек наклонился, когда перемещал винтовку на правую сторону, так, что ствол винтовки был направлен ему в шею, указав также, что этим объясняется, в частности, след пули на потолке. Тем не менее в постановлении прокурора не было указано, почему выстрел произошел внезапно.

60. 16 июля 2004 г. прокурор в ответ на запрос адвоката заявителей направил ей письмо и копию постановления, указав, что согласно закону об адвокатуре все материалы дела находились в ее распоряжении и она могла изучить их, получить копию любого пункта доказательства, который она считала целесообразным получить.

61. Кроме того, копия постановления о невозбуждении уголовного преследования была направлена лично Айсель Тунч, сестре погибшего, 27 июля 2004 г.

62. Заявители обжаловали постановление, отметив, что в отношении обстоятельств смерти Джихана Тунча осталось несколько невыясненных вопросов. В частности, они утверждали, что траектория полета пули не была четко определена. Они не ссылались на тот факт, что М.Д. не был допрошен или что с оружия не были сняты отпечатки пальцев.

Н. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

63. 14 октября 2004 г. военный суд 2-го корпуса военно-воздушных сил в г. Диярбакыре постановил удовлетворить жалобу заявителей и санкционировал проведение прокуратурой дополнительного расследования. В частности, указывалось, что необходимо более четко установить траекторию полета пули и положение, из которого был произведен выстрел на основании входного и выходного отверстий на теле и следа пули на потолке. Также отмечалось, что не были установлены убедительные основания для самоубийства. Кроме того, отмечалось, что в любом случае положение тела в момент выстрела было необычным для самоубийства. В заключение было заявлено, что не было предоставлено объяснения относительно следов от ружейного выстрела на руках

М.С., последнего, кто видел Джихана Тунча до инцидента.

64. 24 ноября 2004 г. военный прокурор посетил объект фирмы «Перенко» в сопровождении трех экспертов по уголовным расследованиям.

65. Группа направилась на караульный пост, где произошел инцидент. После того, как все материалы дела были изучены, была произведена реконструкция событий при содействии человека, который был похож по телосложению на погибшего.

66. Для определения траектории полета пули были предприняты определенные действия, в том числе использование веревки, натянутой между следом от выстрела на потолке и стволом винтовки Г-3. Были сделаны фотографии.

67. Эксперты отметили, что пол был сделан из бетона, хотя в предыдущих заключениях упоминался земляной пол. Согласно информации, предоставленной менеджерами объекта, различные помещения, в том числе грунтовое покрытие, было заменено цементным после инцидента с целью поддержания чистоты солдатской формы. В ходе этих работ уровень пола не поднялся. Данное утверждение было подтверждено измерениями, которые установили, что высота потолка составляла 2,33 м, как и было до инцидента.

68. Принимая во внимание все собранные доказательства, эксперты пришли к следующему выводу: Джихан Тунч сидел или находился в согнутом положении и держал свою винтовку в правой руке; когда он попытался встать, опираясь на свое оружие, а колени у него были все еще согнуты, его рука нажала на курок, и тогда произошел выстрел.

69. Во время своего посещения объекта прокурор допросил солдата Е.С. и других солдат, находившихся на дежурстве во время инцидента, которые завершили службу в вооруженных силах. Е.С. сообщил, что, когда он прибыл, М.С. сидел, наклонившись перед Джиханом Тунчем, и пытался его поднять, тянув за руки.

70. Все эти доказательства были занесены в отчет от 24 ноября 2004 г.

71. 8 декабря 2004 г. прокурор завершил расследование и направил материалы дела в военный суд, сопроводив их отчетом о результатах дополнительного расследования, который был запрошен (отчет № 2004/632ЕО), в котором он перечислил предпринятые меры и отметил действия в отношении недостатков, на которые указал суд. Что касается следов от выстрела на руках, он отметил, что в материалах дела содержалось заключение эксперта, в котором говорилось, что остатки от ружейного выстрела на руках очень нестабильны и что на руки М.С. они могли попасть с одежды или рук погибшего сразу после инцидента. Он также подчеркнул, что данная версия была подкреплена несколькими показаниями, которые подтверждали тот факт, что М.С. физически контактировал с погибшим, когда пытался его поднять.

72. Что касается замечания суда о том, что позиция, из которой был произведен выстрел, вряд ли соответствовала той, из которой человек, совершает самоубийство, а также довода суда относительно отсутствия мотива, прокурор заявил, что в постановлении о невозбуждении уголовного дела отсутствует указание на то, что инцидент являлся самоубийством, и действительно версия о самоубийстве не рассматривалась.

73. В отношении определения траектории полета пули с учетом следа от выстрела на потолке, входного и выходного отверстий от ранения на теле погибшего, прокурор сообщил, что была принята следующая версия: Джихан Тунч сидел на ящике для патронов и играл с затвором и магазином винтовки; когда он держал оружие с вынутым магазином под углом к своей правой стороне, он наклонился вперед и вправо с намерением использовать свою винтовку для того, чтобы опереться на нее, когда будет подниматься, его рука соскользнула на часть оружия около курка, и был произведен выстрел, пуля вошла через правую сторону его шеи и вышла под нижним краем левой лопатки, прежде чем попасть в потолок. Таким образом, Джихан Тунч не совершал самоубийства, он являлся жертвой несчастного случая. Прокурор также отметил, что для того, чтобы убедиться в достоверности данной версии, он провел реконструкцию событий 24 ноября 2004 г. с учетом входного и выходного отверстий раны на теле, следа от выстрела на потолке, телосложения погибшего, и что выводы реконструкции событий подтвердили данную последовательность событий.

74. Протокол реконструкции событий прилагался к данному отчету.

75. 17 декабря 2004 г. военный суд отклонил кассационную жалобу заявителей.

76. Письмо от 21 декабря 2004 г. было направлено адвокату заявителей, сообщив ей о данном постановлении. Ни дата отправления, ни дата получения данного письма не были указаны в материалах дела. Заявители утверждали, что они получили это письмо в конце декабря 2004 года. Власти государства-ответчика не дали комментариев по данному пункту.

I. ЧАСТНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

77. Заявители предоставили частное медицинское заключение, подготовленное по их запросу британским экспертом, доктором Аленом М. Энскомбом (*Allen M. Anscombe*), датированное 11 октября 2005 г. Эксперт подготовил свое заключение на английском языке на основании изучения им многочисленных документов из материалов дела, которые были переведены на этот язык. В соответствующих частях заключения говорится следующее:

«Я являюсь консультирующим судебно-медицинским экспертом, аккредитованным Консультативным советом по вопросам политики Министерства внутренних дел для судебно-медицинской экспертизы...

При подготовке данного заключения я руководствовался английскими переводами следующих документов, касающихся Джихана Тунча:

- 1) заключения о дознании и вскрытии тела от 13 февраля 2004 г.;
- 2) отчета предварительного расследования № 2004/632ЕО, озаглавленного «Расширение расследования»;
- 3) двух экспертных заключений от 16 и 17 февраля 2004 г. под входящими №№ ELS-2004/464 и 2004/90 химическое;
- 4) трех цветных фотографий погибшего, одной, сделанной при жизни, и двух, сделанных после смерти, когда погибший, вероятно, находился в гробу;
- 5) изображения винтовки Г-3...

Погибший был доставлен в ближайший военный госпиталь, и вскрытие тела было произведено на следующий день после его смерти. Подобную оперативность следует рассматривать как хорошую практику...

Таким образом, первичный осмотр включал в себя удаление одежды с тела погибшего и ее фотографирование, сбор образцов для судебно-медицинского лабораторного исследования, а также описи содержимого карманов и т.д.

Как представляется, сам по себе этот процесс был проведен надлежащим образом, со сбором соответствующих образцов, принимая во внимание характер инцидента.

После завершения данного этапа в заключении о [вскрытии] говорится, что был вызван патологоанатом доктор Е. и, как я понимаю, у него была первая возможность изучить тело погибшего.

Если я правильно понимаю, это должно вызвать у меня более серьезную озабоченность, в частности, поскольку в случае стрельбы со смертельным исходом патологоанатому должно быть предоставлено как можно больше информации относительно места происшествия и состояния, в котором был доставлен погибший, последнее подразумевает возможность осмотреть и изучить неповрежденную одежду...

Остальные детали результатов вскрытия несколько кратки и отрывочны.

В остальном основные выводы после проведения вскрытия приведены в заключении. Вывод относительно причины смерти является обоснованным, учитывая выводы, которые были сделаны в ходе вскрытия (то есть по сути дела отсутствуют необоснованные выводы и заключения)...

На внешней стороне шеи Джихана Тунча имеется входное отверстие от огнестрельного ранения, а выходное отверстие находится на задней стороне левого плеча. На фотографиях видны небольшое входное отверстие и выходное отверстие побольше, и, на мой взгляд, маловероятно, что входное и выходное отверстия были получены «в обратной последовательности».

Если пуля прошла через тело погибшего и попала в потолок, то единственный способ, которым я могу объяснить такую траекторию, это если в момент выстрела погибший наклонился.

В заключении о вскрытии указывалось, что следы несгоревшего пороха были обнаружены на правой стороне лица и на нижней части челюсти, но отсутствовали какие-либо следы воздействия дыма или ожога. Это указывает на то, что дуло ствола находилось близко, но не контактировало с кожей погибшего. Хотя такие последствия выстрела зависят в некоторой степени от типа используемого оружия и боеприпасов, вероятная дальность выстрела (то есть расстояние от дула до кожи) должна находиться в пределах 15–30 см.

Мне сообщили, что длина винтовки Г-3, которой вероятно воспользовался погибший, составляет 102,3 см. Из предоставленного изображения видно, что курок находится приблизительно на расстоянии две трети длины винтовки от дула. В зависимости от длины руки погибшего до курка можно просто дотянуться (скажем, вытянутым пальцем), если в тот момент погибший наклонился над винтовкой.

Существуют еще две возможности, о которых я думаю, либо что винтовка была неисправна и по какой-то причине разрядилась неожиданно (например, ее бросили на пол), либо что из винтовки выстрелил другой человек, однако это потребовало бы, чтобы человек, лежа на полу, целился из винтовки вверх на погибшего, наклонившегося в тот момент над дулом (расстояние до его шеи 15–30 см).

Результаты вскрытия показывают, что отсутствуют признаки того, что погибший был вовлечен в драку или борьбу».

Ж. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДА

78. 13 января 2005 г. адвокат заявителей обратился в Высший военный административный суд с иском о выплате денежной компенсации в связи со смертью Джихана Тунча.

79. После отклонения требования о компенсации по процессуальным основаниям новый иск был подан 9 сентября 2005 г. Заявители требовали по 3 500 турецких лир в качестве компенсации материального ущерба и по 3 000 турецких лир в качестве компенсации морального вреда каждому из родителей, а также по 1 000 турецких лир каждому из семи братьев и сестер погибшего.

80. 9 октября 2006 г. эксперт, назначенный Высшим военным административным судом для оценки морального вреда, представил свое заключение. Он оценил компенсацию морального вреда, причиненного отцу погибшего, в размере 721 турецкой лиры и его матери в размере 8 779 турецких лир. Стороны не оспаривали эти суммы.

81. 10 января 2007 г. суд удовлетворил требование заявителей в этой части. Он отметил, что смерть наступила из-за неосторожного обращения с винтовкой. Суд постановил, что это свидетель-

ствовало об отсутствии надлежащего обучения при обращении с оружием, а также о халатности в надзоре и защите призывников. В итоге было установлено, что смерть частично наступила по вине властей в связи с проявленной халатностью. Принимая во внимание также наличие небрежности со стороны погибшего и отмечая, что это было связано с требованием о компенсации, руководствуясь правилом, согласно которому суд не рассматривает вопросы, по которым сторона не заявляет ходатайств (*ultra petita*), Высший военный административный суд присудил следующие суммы:

– 3 500 турецких лир в качестве компенсации материального ущерба и 3 000 турецких лир в качестве компенсации морального вреда матери погибшего;

– 400 турецких лир в качестве компенсации материального ущерба и 1 000 турецких лир в качестве компенсации морального вреда отцу погибшего;

– 1 000 турецких лир в качестве компенсации морального вреда каждому из братьев и сестер погибшего.

На эти суммы начислялись пени, рассчитывавшиеся с даты инцидента до даты платежа.

82. 12 июня 2007 г. власти произвели выплату в размере 23 500 турецких лир (приблизительно 13 200 евро на дату выплаты) правоохранительному органу г. Бакыркёй (*Bakırköy*), в который было подано ходатайство адвоката заявителей.

83. Заявители утверждали, что они не знали о разбирательствах в Высшем военном административном суде, пока о них не упомянули власти государства-ответчика, и что сумма не была им выплачена их адвокатом.

К. ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ, ВЫПЛАЧЕННАЯ ФОНДОМ «МЕХМЕТЧИК» (*MENMETÇİK*)

84. 21 апреля 2004 г. фонд вооруженных сил «Мехметчик», который был создан для поддержки семей военнослужащих, которые погибли при несении службы, назначил в качестве финансовой помощи семье погибшего выплату 4 916 700 000 бывших турецких лир (чуть более 3 000 евро на ту дату).

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ТУРЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. НЕЗАВИСИМОСТЬ ВОЕННЫХ СУДЕЙ И ПРОКУРОРОВ

85. Военно-судебная система включает судей и прокуроров. Поднимаясь по карьерной лестнице, все судебные должностные лица (судьи и прокуроры) могут назначаться как для исполнения обязанностей судьи, так и для исполнения обязанностей

прокурора. Термин «военный судья» (*askeri hâkim*), использовавшийся в основных положениях, касающихся статуса судебных должностных лиц, в принципе распространяется как на судей, так и на прокуроров.

1. Конституция Турции

86. Соответствующие положения Конституции Турции гласят следующее:

«...Статья 9

Судебная власть осуществляется от имени турецкой нации независимыми судами.

При выполнении своих обязанностей судьи должны быть независимыми, они должны принимать решения согласно своей совести и внутренним убеждениям в соответствии с Конституцией, законом и правом.

Никакой орган, власть, официальные инстанции или лица не могут давать указания или распоряжения судам или судьям, касающиеся осуществления судебных полномочий в связи с делом, находящимся в судебном производстве...

Статья 139

Судьи и прокуроры не могут быть уволены или отправлены на пенсию до достижения возраста, установленного Конституцией, и при этом они не могут быть лишены своего жалования, пособий или других прав, касающихся их статуса, даже в случае упразднения суда или поста...

Статья 145

Военная юстиция осуществляется военными судами и военно-дисциплинарными судами. Эти суды обладают полномочиями привлекать военнослужащих к ответственности за военные преступления, за правонарушения, совершенные ими в отношении других военнослужащих или в зонах военных действий, а также за правонарушения, связанные с военной службой и воинскими обязанностями...

Организация военных судов, их функции, персональное делопроизводство в отношении военных судей, взаимоотношения судей, выполняющих обязанности военных прокуроров, под командованием, при которых они созданы, регулируются законом в соответствии с принципами независимости судов и обеспечения гарантий и безопасности судей и в соответствии с требованиями военной службы...».

2. Соответствующие законодательные положения

87. Закон о военных судьях (Закон № 357) устанавливает принцип, согласно которому судебная власть должна быть независимой, и напоминает положения статей 138 и 139 Конституции.

88. Статья 16 данного закона предусматривает, что военные судьи и прокуроры переводятся указом, который должен быть подписан министром обороны и премьер-министром и утвержден пре-

зидентом республики («трехсторонний указ»). Он также определяет периоды в их карьере, в течение которых перевод невозможен.

89. Статья 232 Уголовного кодекса, действовавшего на тот момент, определяет как преступление попытки повлиять, отдавать приказания или оказывать давление на судей. В зависимости от обстоятельств предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до «пяти лет». В случае, если лицо, совершившее правонарушение, являлось гражданским должностным лицом, приговор влечет запрет занимать любые должности на государственной службе.

90. Совершение этого преступления также предусмотрено в статье 277 нового Уголовного кодекса, которая определяет как преступление «попытку влиять на лиц, осуществляющих судебную функцию».

91. Тем не менее Закон № 357 позволяет министру обороны приказывать военному прокурору, который вынес постановление о невозбуждении уголовного преследования, доставить подозреваемого в суд с тем, чтобы последний мог принять решение относительно его или ее виновности или невиновности.

3. Состав военных судов

92. Статья 2 Закона о военных судах (Закон № 353), действовавшая в рассматриваемое время, предусматривает:

«Военные суды должны состоять из двух военных судей и офицера (*subay üye*), если иное не предусмотрено настоящим законом».

93. Слова «и офицера» были отменены Конституционным судом, вынесшим решение по ходатайству о судебном надзоре, в Постановлении от 7 мая 2009 г., которое было опубликовано в «Официальной газете» 7 октября 2009 г. Конституционный суд постановил, что, в отличие от военных судей, судья-офицер не предоставляет необходимых гарантий в том смысле, что он был освобожден от своих военных обязанностей в течение срока своих полномочий офицера в суде и не зависел от своего вышестоящего начальства. Кроме того, он считал тот факт, что ни одно положение не мешало военным властям назначать для каждого случая другого офицера в суд, противоречащим статье 9 Конституции.

94. После этого решения в законодательство были внесены поправки. Статья 2 Закона № 353 в настоящее время гласит:

«Военные суды должны состоять из трех военных судей, если иное не предусмотрено настоящим законом».

4. Аттестация военных судей и прокуроров

95. Согласно статье 12 Закона о военных судьях (Закон № 357), действовавшей в рассматриваемое время, продвижение, выдвижение, получение повышения для «военных судей» (они должны заседать в судах в качестве судей или работать прокурорами) зависело от их аттестационных отчетов и в значительной степени от «профессионального аттестационного листа» (*mesleki sicil belgesi*) и «аттестационного листа офицера» (*subay sicil belgesi*).

96. Данное положение устанавливает, что относительно «аттестационного листа офицера» судьи и прокуроры зависели от оценки командира воинской части, в которой базировался суд.

97. Оно также указывает на то, что опытные судьи непосредственно оценивали судей, которые работали с ними, и что прокуроры непосредственно оценивали своих заместителей и тех, кто исполнял их обязанности.

98. Компетенция, которая должна была быть указана в «аттестационном листе офицера», описывалась следующим образом:

- «1. Общий вид, социальный статус и способность представлять учреждение.
2. Соблюдение принципов справедливости и равенства.
3. Соблюдение и подчинение правилам воинской дисциплины.
4. Профессиональные знания, основы военного образования и общие знания.
5. Командный дух и умение обучать, объяснять и убеждать.
6. Жизненная активность, сопротивляемость, решительность и настойчивость.
7. Интеллектуальные способности и способность рассматривать дело и выносить решение.
8. Умение планировать, проводить, контролировать и надзирать за процессом.
9. Свобода и творческий потенциал.
10. Способность направлять и руководить».

99. В Постановлении от 8 октября 2009 г. Конституционный суд указал, что часть данного текста противоречила принципу независимости судов (*mahkemelerin bağımsızlığı*), и исключил положения статьи 12 Закона № 357, касавшиеся «аттестационного листа офицера».

100. Конституционный суд получил жалобу на неконституционность, поданную Высшим военным административным судом, в контексте трех жалоб, поданных военными судьями, которые обжаловали свои «аттестаты офицера» и ходатайствовали об их отмене. Указанные лица считали, что даже простая возможность того, что у старшего офицера мог быть соблазн оказывать чрезмерное влияние на судей посредством «аттестационного листа офицера», препятствовала проявлению независимости, которую судебная система должна была представить.

101. Конституционный суд отметил, что военные судьи оценивались представителями военных палат кассационного суда, призванных пересматривать их судебные решения в кассационном порядке. Конституционный суд отметил, что, хотя эта оценка представляла собой их профессиональную аттестацию и была предназначена для того, чтобы оценить их компетентность, «административная» аттестация (аттестационный лист офицера), проводившаяся опытными судьями и офицерами, порождала в свою очередь опасения относительно соблюдения требования независимости судов, закрепленного Конституцией.

102. В итоге Конституционный суд признал, что данная процедура противоречит Конституции и должна быть устранена, поскольку это касается судей, которые работают в судах. Конституционный суд постановил, что отсутствовала необходимость рассматривать вопрос о том, соответствовала ли система аттестации прокуроров Конституции, принимая во внимание, что ответ на данный вопрос не имел никакого отношения к рассмотрению дел в Высшем военном административном суде.

103. Постановление Конституционного суда было опубликовано в «Официальной газете» 8 января 2010 г. и вступило в силу в тот же день.

104. 22 апреля 2012 г. в статью 12 Закона № 357 были внесены изменения с целью привести аттестацию прокуроров в соответствие с Конституцией.

В. ДОСТУП К МАТЕРИАЛАМ РАССЛЕДОВАНИЯ РОДСТВЕННИКОВ ПОГИБШЕГО

105. Статья 2 Закона об адвокатуре, действовавшая в соответствующий момент времени, определяет, что судебные органы, департаменты полиции и другие государственные учреждения обязаны содействовать при осуществлении адвокатом своих обязанностей, в частности, путем предоставления доступа, исключив законодательные положения об обратном, к любым документам и информации, которую он или она считают необходимой.

С. ЖАНДАРМЕРИЯ

106. Деятельность жандармерии регулируется Законом № 2803. Жандармерия определяется как вооруженные силы, действующие под руководством Министерства внутренних дел в отношении своих обязанностей в сфере безопасности и защиты и под руководством Генерального штаба вооруженных сил в отношении подготовки и своих военных обязанностей. Главнокомандующий жандармерии подотчетен министру внутренних дел (статья 4 закона).

107. Жандармерия выполняет общественные обязанности (касающиеся общественной безопасности и поддержания общественного порядка), судебские обязанности (судебные расследования,

как предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом) и воинские обязанности.

108. Они осуществляют свои административные и судебские обязанности в сельских районах, где отсутствует национальная полиция.

109. Со слов властей Турции, в распоряжении жандармерии находятся технические и исследовательские службы полиции, располагающиеся в г. Анкаре, и три региональные судебно-медицинские лаборатории. Кроме того, технические группы, специализирующиеся на уголовных расследованиях, существуют в 81 провинции.

110. В соответствии со статьей 97 закона, регулирующего уголовный процесс в военных судах, следователи жандармерии подотчетны прокурору и обязаны исполнять его или ее предписания.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ТУРЦИИ

А. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Власти Турции

112. В своих письменных замечаниях от 14 февраля 2014 г., представленных в Большую Палату и на слушаниях 16 апреля 2014 г., власти Турции впервые за время разбирательства выдвинули предварительное возражение, касающееся утраты статуса жертвы после вынесения решения Высшего военного административного суда от 10 января 2007 г. В ходе разбирательства данный информативный элемент не был доведен сторонами до сведения Большой Палаты Европейского Суда.

113. Власти Турции отметили, что согласно правоприменительной практике Европейского Суда, если внутригосударственными властями было установлено нарушение и их постановление назначило соответствующее и достаточное возмещение за данное нарушение, лицо, в отношении которого было допущено нарушение, не может претендовать на статус жертвы по смыслу статьи 34 Конвенции (они ссылались на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скордино против Италии (№ 1)» (*Scordino v. Italy*) (№ 1), жалоба № 36813/97, *ECHR* 2006-V, §§ 178 и последующие). В случае удовлетворения двух условий вспомогательный характер механизма конвенционной защиты исключает рассмотрение дела Европейским Судом (они ссылались, *inter alia*, на Постановление Европейского Суда по делу «Экле против Германии» (*Eckle v. Germany*) от 15 июля 1982 г., Series A, № 51, §§ 67–70, и Решение Европейского Суда по делу «Енсен против Дании» (*Jensen v. Denmark*) жалоба № 48470/99, *ECHR* 2001-X). Утрата статуса жертвы, помимо про-

чего, предполагает рассмотрение природы права, которое предположительно было нарушено, причин, указанных властями при принятии решения (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Енсен против Дании» (Jensen v. Denmark) и сохранении неблагоприятных последствий для заявителя после принятия данного постановления (они ссылались на Постановление Европейского Суда по делу «Фрейманис и Лидумс против Латвии» (Freimanis and Līdums v. Latvia) от 9 февраля 2006 г., жалобы №№ 73443/01 и 74860/01, § 68). Целесообразность и достаточность возмещения, присуждаемого заявителю, зависят от всех обстоятельств дела, принимая во внимание, в частности, характер нарушения Конвенции (они ссылались на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (Gäfgen v. Germany), жалоба № 22978/05, ECHR 2010, § 116).

114. Власти Турции отметили, что, принимая во внимание статью 2 Конвенции, было необходимо провести различие между случаями, с одной стороны, когда смерть была причинена умышленно или в результате нападения или жестокого обращения и, с другой стороны, когда смерть была причинена случайно, по неосторожности. Данная статья Конвенции обязывала Договаривающиеся Стороны в случаях со смертельным исходом проводить расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных (они ссылались на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» (Tanrıkulu v. Turkey) жалоба № 23763/94, ECHR 1999-IV, § 79). Действительно, в таких случаях присуждения компенсации не могло быть достаточно, чтобы исправить нарушение статьи 2 Конвенции и лишить заявителя его или ее статуса жертвы.

115. Однако власти Турции пояснили, что, если, как в настоящем деле, смерть была причинена случайно, компенсация ущерба и вреда посредством гражданского или административного разбирательства составляла соответствующее возмещение (они ссылались на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии» (Calvelli and Ciglio v. Italy) жалоба № 32967/96, ECHR 2002-I, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Во против Франции» (Vo v. France) жалоба № 53924/00, ECHR 2004-VIII, § 90).

116. Власти Турции отметили, что в настоящем деле Высший военный административный суд признал, что власти допустили халатность при подготовке Джихана Тунча и в надзоре за исполнением им своих обязанностей, а также в защите военнослужащих и присудили заявителям компенсацию.

117. В итоге они полагали, что было предоставлено соответствующее и достаточное возмещение и что заявители не могли более считаться жертвами по смыслу статьи 34 Конвенции (они ссылались

на Решение Европейского Суда по делу «Фатма Йюксель против Турции» (Fatma Yüksel v. Turkey) от 9 апреля 2013 г., жалоба № 51902/08, §§ 41–45). В связи с этим они призвали Европейский Суд объявить жалобу неприемлемой *ratione personae* для рассмотрения по существу.

2. Заявители

118. Заявители утверждали, что они не были уведомлены о разбирательствах в Высшем военном административном суде и об их результатах. Они уточнили, что последним, кто встречался с их адвокатом, был Мустафа Тунч, и что вполне возможно, он знал о присуждении компенсации. Однако он не уведомил об этом членов своей семьи.

119. Заявители признали, что сумма в размере 5 000 турецких лир действительно была выплачена им фондом «Мехметчик», и заявили, что не получили каких-либо сумм по решению Высшего военного административного суда.

120. По их мнению, даже если бы они получили суммы, выплачиваемые властями, указанное судебное решение не было таким, что лишало их статуса жертвы. В этой связи заявители пояснили, что решение основывалось на версии о несчастном случае, выдвинутой в конце расследования, версии, которую они оспаривали. Кроме того, они утверждали, что решение Высшего военного административного суда было далеко от признания нарушения процессуальных требований статьи 2 Конвенции и, особенно, несоблюдения независимости расследования, и что это не было его целью или что данный вопрос каким-либо образом упоминался в нем.

121. По их мнению, постановление суда, на котором власти государства-ответчика основывали свое возражение, не могло считаться приемлемым удовлетворением их жалобы.

В. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Применимые принципы

122. Европейский Суд напоминает, что Большая Палата при необходимости не лишена права рассмотрения вопросов о приемлемости жалобы в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции, поскольку это положение позволяет Европейскому Суду отклонить жалобу, которую он считает неприемлемой «на любой стадии разбирательства» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Одьевр против Франции» (Odièvre v. France) жалоба № 42326/98, ECHR 2003-III, § 22). Вместе с тем в соответствии с правилом 55 Регламента Суда любое возражение против приемлемости жалобы должно быть доказано Договаривающейся Стороной, насколько позволяют его характер и обстоятельства в устных или

письменных замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы, представленных в порядке, предусмотренном правилами 51 и 54 Регламента Суда, или в соответствующих случаях. Если в ходе разбирательства в Европейском Суде возникает относимое с правовой точки зрения процессуальное событие, которое может повлиять на приемлемость жалобы, Договаривающаяся Сторона в интересах надлежащего отправления правосудия должна незамедлительно представить официальное возражение (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*) жалобы №№ 32541/08 и 43441/08¹, *EC*HR 2014 (извлечения) с последующими ссылками, § 79).

123. Тем не менее, если события, предположительно лишившие заявителя его или ее статуса жертвы, произошли после принятия решения о приемлемости, то, разумеется, применяются совершенно иные подходы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (*Kurić and Others v. Slovenia*) жалоба № 26828/06, *EC*HR 2012 (извлечения), §§ 258 и последующие).

124. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что, несмотря на требования правила 55 Регламента Суда, которые в любом случае должны толковаться способом, совместимым с Конвенцией, в частности, со статьей 32 Конвенции, государство-ответчик не может считаться освобожденным от обязательства выдвижения предварительного возражения в Большой Палате Европейского Суда, когда последняя рассматривает вопрос, который находится в юрисдикции Европейского Суда, а не вопрос о приемлемости в узком смысле этого понятия (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блечич против Хорватии» (*Blečić v. Croatia*), жалоба № 59532/00, *EC*HR 2006-III, §§ 66 и последующие).

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

125. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что власти Турции не высказывали возражений против приемлемости жалобы, которая рассматривалась Большой Палатой, хотя решение Высшего военного административного суда, на котором власти государства-ответчика основывали свой довод, было принято даже до того, как власти были уведомлены о поступившей жалобе. Кроме того, власти Турции не привели никаких исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить их от обязательства соблюдения требований правила 55 Регламента Суда (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 82).

126. Европейский Суд также отмечает, что в отличие от обстоятельств вышеупомянутого дела «Блечич против Хорватии» возражение не касается вопроса, который находится в его юрисдикции.

127. Следовательно, Европейский Суд считает, что на данном этапе судебного разбирательства власти Турции утратили право выдвигать предварительное возражение об утрате статуса жертвы заявителей, и отклоняет данное возражение.

128. Европейский Суд отмечает, что в любом случае возражение должно быть отклонено, даже если предположить, что власти Турции не утратили право его выдвигать.

129. В связи с этим Европейский Суд находит, что настоящая жалоба касается только процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции, жалобы, касающиеся материальной составляющей этой статьи, были объявлены Палатой неприемлемыми для рассмотрения по существу.

130. Европейский Суд напоминает, что независимо от вопроса, может ли финансовая выплата оказать влияние на материальную составляющую статьи 2 Конвенции, вопрос, который необходимо урегулировать в настоящем деле, это вопрос установившейся правоприменительной практики, который заключается в том, что в случаях, когда предполагается, что смерть была причинена умышленно или в результате нападения или жестокого обращения, присуждение компенсации не может освободить Договаривающиеся Стороны от их обязательства провести расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных лиц (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тарынкулу против Турции» (*Tanrikulu v. Turkey*), жалоба № 23763/94, *EC*HR 1999-IV, § 79, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства» (*Al-Skeini and Others v. United Kingdom*), жалоба № 55721/07, *EC*HR 2011, § 165). Это так, поскольку, если власти могут ограничить свою реакцию на инциденты преднамеренного жестокого обращения, *inter alia*, со стороны должностных лиц только выплатой компенсации, не предъявляя обвинения и не наказывая виновных, то в некоторых случаях государственные должностные лица могли бы начать злоупотреблять с видимой безнаказанностью правами лиц, находящихся под их контролем, а общий правовой запрет на лишение жизни, несмотря на его фундаментальную важность, был бы неэффективным на практике (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*) жалоба № 21986/93, *EC*HR 2000-VII, § 83, Постановление Европейского Суда по делу «Келли и другие против Соединенного Королевства» (*Kelly and Others v. United Kingdom*)).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (примеч. редактора).

от 4 мая 2001 г., жалоба № 30054/96, § 105, и Постановление Европейского Суда по делу «Николова и Величкова против Болгарии» (Nikolova and Velichkova v. Bulgaria) от 20 декабря 2007 г., жалоба № 7888/03, § 55).

131. Однако, как отметили власти Турции, в случае непреднамеренного лишения жизни признание компенсации ущерба в порядке административного или гражданского разбирательства может считаться соответствующим возмещением (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Во против Франции» (Vo v. France), § 94, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии», §§ 52 и последующие, и Решение Европейского Суда по делу «Алп против Турции» (Alp v. Turkey) от 9 июля 2013 г., жалоба № 3757/09, §§ 27–33).

132. Заявители жаловались на несоблюдение процессуального обязательства в отношении смерти, которая, по их утверждению, могла произойти в результате незаконного убийства. Тем не менее по окончании своего расследования власти пришли к выводу, что смерть была случайной. Кроме того, Европейский Суд в своем Решении Палаты от 25 июня 2013 г. пришел к окончательному выводу, что версия о несчастном случае была полностью достоверной.

133. По мнению Европейского Суда, если в самом начале четко не установлено, что смерть наступила в результате несчастного случая или другого непреднамеренного действия, и если версия о незаконном убийстве исходя из фактов является спорной, Конвенция требует, чтобы расследование, удовлетворяющее минимальному уровню эффективности, было проведено для выяснения обстоятельств смерти. Тот факт, что в итоге расследование пришло к версии о несчастном случае, не имеет никакого отношения к данному вопросу, поскольку обязательство проводить расследование главным образом имеет целью опровергнуть или подтвердить ту или иную версию.

134. В настоящем деле с самого начала обстоятельства смерти Джихана Тунча не были достаточно четко установлены. Для этого существовали различные объяснения, и на начальных этапах ни одно из них не было явно неправдоподобным (см. §§ 21, 38 и 63 настоящего Постановления). Следовательно, власти Турции были обязаны провести расследование. Сам по себе тот факт, что власти выплатили компенсацию, не мог освободить их от их процессуального обязательства (см. Решение Европейского Суда по делу «Эркан против Турции» (Erkan v. Turkey) от 28 января 2014 г., жалоба № 41792/10, §§ 54–62).

135. Следовательно, даже при условии, что власти государства-ответчика не утратили право выдвигать это предварительное возражение, необ-

ходимо отметить, что заявители сохранили свой статус жертвы согласно смыслу Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ В ЕЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

136. Заявители, которые считали, что расследование смерти их родственника не было эффективным, жаловались на нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте. В соответствующей части данной статьи Конвенции говорится:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Оперативность и надлежащее ведение расследования

137. Палата Европейского Суда решила, что расследование по факту смерти родственника заявителей было проведено достаточно оперативно с надлежащей тщательностью (см. Постановление Палаты, §§ 105–126). Было установлено, что расследования были начаты сразу после инцидента, они были проведены с необходимой тщательностью и власти приняли соответствующие меры для сбора доказательств, касавшихся указанных событий. Она также отметила, что прокуратура рассмотрела различные возможные версии произошедшего, прежде чем в итоге остановилась на версии смерти в результате несчастного случая.

138. В заключение Палата Европейского Суда не подвергла сомнению надлежащий характер и оперативность расследования, проведенного внутригосударственными властями.

2. Участие заявителей в расследовании

139. Палата Европейского Суда постановила, что заявителям был предоставлен доступ к информации, полученной в ходе расследования в той мере, которая была достаточной для эффективного участия в судебном разбирательстве. В частности, Палата указала следующее:

«...136. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что копия всего постановления о невозбуждении уголовного преследования от 30 июня 2004 г., содержавшая краткую информацию из материалов расследования и доводы для вынесения постановления, была предоставлена заявителям. Впоследствии последние получили доступ к материалам дела. Таким образом, после ознакомления с материалами дела они прибегли к доступному им средству правовой защиты (кассация) и обжаловали постановление о невозбуждении уголовного преследования. Следовательно, нельзя считать, что у них не было возможности эффективно реализовать свои права. Кроме того,

Европейский Суд отмечает, что военный суд, который рассматривал их кассационную жалобу, согласился с определенными доводами заявителей, так как судьи санкционировали проведение дополнительных следственных действий, потребовав, чтобы вопрос о траектории полета пули должен был рассмотрен более тщательно, а также чтобы прокуратура дала бы разъяснения о наличии следов от ружейного выстрела на руках M.S. Прокуратура занялась решением этих вопросов, в частности, проведя реконструкцию событий...».

3. Независимость расследования

140. Палата Европейского Суда решила, что расследование не было независимым, основывая свой вывод на правилах, действовавших в тот период времени, согласно которым один из трех членов военного суда не соответствовал всем требуемым гарантиям независимости. В соответствующих частях Постановления Палаты Европейского Суда указывалось следующее:

«...130. Европейский Суд напоминает прежде всего, что в своем Постановлении по делу “Гюркан против Турции” (*Gürkan v. Turkey*) от 3 июля 2012 г., жалоба № 10987/10, §§ 13–19, он постановил, что в том виде, в каком он был сформирован в соответствующее время, военный суд, который расследовал и осудил заявителя, не мог считаться независимым и беспристрастным по смыслу статьи 6 Конвенции, и пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 6 Конвенции. Европейский Суд основывал свой вывод на том факте, что один из трех судей, заседавших в военном суде, являлся офицером, который был назначен своим начальством и подчинялся воинской дисциплине, и что он не пользовался теми же конституционными гарантиями, которые были предоставлены двум другим судьям, являвшимся профессиональными судьями.

131. Эти заключения справедливы и в данном случае, принимая во внимание, что суд, который участвовал в процедурах расследования в качестве надзиравшего органа, был скомплектован аналогичным образом. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что опасения по поводу беспристрастности относятся в данном случае к судебному органу, ответственному за окончательный надзор за расследованием, и не только к прокуратуре (см. *a contrario*¹ Постановление Европейского Суда по делу “Мантог против Румынии” (*Mantog v. Romania*) от 11 октября 2007 г., жалоба № 2893/02, §§ 70 и последующие, и Решение Европейского Суда по делу “Стефан против Румынии” (*Stefan v. Romania*) от 29 ноября 2011 г., жалоба № 5650/04, § 48)...».

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Власти Турции

(а) *Оперативность и надлежащее проведение расследования и участие в нем заявителем*

141. Что касается надлежащего ведения, тщательности и оперативности в проведении расследования, участия в нем родственников погибшего, власти Турции были полностью согласны с выводами Палаты Европейского Суда.

(b) Независимость расследования

142. С другой стороны, власти Турции оспаривали заключение о том, что расследование не было независимым.

143. Они утверждали, что Палата Европейского Суда провела малопонятное расследование, в то время как, по их мнению, необходимо учитывать особые обстоятельства в каждом конкретном случае, изучая расследование в целом, принимая во внимание роль и конкретные действия различных участвующих органов.

144. Они отметили, что Палата Европейского Суда привела в связи со статьей 2 Конвенции обоснование из упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу “Гюркан против Турции”, которое в свою очередь касалось статьи 6 Конвенции. Однако, по мнению властей Турции, требования этих двух статей не были схожими, когда это касалось независимости.

145. Власти Турции считали, что подобный подход представляет собой уход от правоприменительной практики Европейского Суда в этой области, в соответствии с которой отсутствие обязательной независимости судебного органа само по себе не являлось достаточным, чтобы сделать вывод о том, что расследование не было независимым.

146. В связи с этим они ссылались, в частности, на дело “Танрыбилир против Турции” (*Tanribilir v. Turkey*) (от 16 ноября 2000 г., жалоба № 21422/93), в котором Европейский Суд пришел к выводу, что, принимая во внимание его основательность, расследование, проведенное по факту смерти, было достаточно независимым, несмотря на тот факт, что за ним надзирал административный орган, чью независимость Европейский Суд уже ставил под сомнение в нескольких предыдущих делах.

147. Власти Турции также ссылались на Постановление Европейского Суда по делу “Мантог против Румынии” (*Mantog v. Romania*) от 11 октября 2007 г., жалоба № 2893/02, §§ 70 и последующие, и Решение Европейского Суда по делу “Стефан против Румынии” (*Stefan v. Romania*) от 20 ноября 2011 г., жалоба № 5650/04, § 48, в которых Европейский Суд пришел к выводу, что расследование было независимым на основании конкретных действий следственного органа, а именно военной прокуратуры, хотя действовавшее законодательство не гарантировало эту независимость – обстоятельство, которое в других случаях приводило к установлению нарушения, поскольку сопровождалось вещественными доказательствами, указыва-

¹ *A contrario* (лат.) – из противоположного (примеч. переводчика).

ющими на отсутствие независимости в действиях военной прокуратуры.

148. Применяя вышеуказанные принципы в настоящем деле, власти Турции считали, что в материалах дела ничто не указывало на то, что расследование, проводившееся прокуратурой, не было независимым. Они считали, что орган принял все действия, которые от него можно было бы ожидать.

149. Что касается того факта, что прокуратуре помогали сотрудники жандармерии, власти Турции объяснили, что последние не являлись близкими коллегами возможных подозреваемых и не подчинялись органам, к которым эти лица принадлежали.

150. Что касается расследования, которое проводил военный суд, власти Турции считали, что в постановлении последнего нет ничего, что давало бы повод усомниться в его независимости, и отметили в связи с этим, что суд удовлетворил ходатайства заявителей и санкционировал проведение дополнительных следственных действий. Они также отметили, что вопрос о независимости в силу закона касался только одного из трех судей. В заключение они подчеркнули, что роль суда носила ограниченный характер, указав, что в отличие от дела «Гюркан против Турции», которое касалось судебного разбирательства заявителя, военный суд в данном случае был созван только для решения вопроса о законности постановления о возбуждении уголовного преследования.

151. Наконец, власти Турции считали, что расследование по факту смерти Джихана Тунча проводилось с соблюдением условий, предусмотренных статьей 2 Конвенции, в частности, требования независимости.

2. Заявители

152. Заявители утверждали, что расследование, проведенное властями, не могло рассматриваться как эффективное и что в ходе него не удалось установить точные обстоятельства смерти Джихана Тунча.

(а) Оперативность и надлежащее проведение расследования

153. Заявители утверждали, что оспариваемое расследование не было проведено с надлежащей оперативностью и что не было предпринято каких-либо действий с целью обеспечить сохранность доказательств. В связи с этим они подвергли критике, в частности, тот факт, что не были сняты отпечатки пальцев с оружия, которое было использовано, а также что указанное оружие поместили в другое место еще до прибытия следователей.

154. Кроме того, заявители утверждали, что расследование было поверхностным. Лица, ответ-

ственные за проведение расследования, не воспользовались всеми возможностями, а были сосредоточены только на версии несчастного случая, без проведения подробного и беспристрастного исследования всех доказательств.

155. Заявители также критиковали военный суд за то, что ему потребовались три месяца, чтобы вынести решение по их жалобе, и утверждали, что прокурор медлил при проведении реконструкции событий. По их мнению, принимая во внимание, что земляной пол в помещении караульного поста был заменен на цементный до проведения реконструкции событий, этот факт представляет минимальную доказательную ценность. Заявители утверждали, что большинство солдат, дежуривших в день инцидента, завершили свою военную службу, и не представлялось возможным допросить их снова.

156. Они подвергли критике не только неполный характер допросов, заявив, что один из 16 солдат, дежуривших на объекте, не был допрошен, но также способ, каким они были проведены, заявители сочли его неуместным. Они также настаивали на том, что в показаниях содержались противоречия, в частности, в отношении места, где произошел инцидент. Заявители утверждали, что некоторые свидетели указывали на «башню № 2», в то время как другие заявили, что инцидент произошел в «башне № 4». Что касается показаний М.С., то в них были несоответствия относительно положения оружия в момент обнаружения тела.

157. Заявители также подвергли критике проведенное вскрытие тела их родственника, заявив, что оно не соответствовало действовавшим стандартам. В этом отношении они жаловались, в частности, на тот факт, что заключение о вскрытии и опись личных вещей, найденных при погибшем, были объединены в единый документ. Они также утверждали, что судебно-медицинский эксперт, проводивший вскрытие, не имел достаточной квалификации, чтобы проводить такое исследование. Кроме того, Европейский Суд в ряде дел подвергал критике то, как указанный судебно-медицинский эксперт проводил вскрытия (в связи с этим заявители ссылались на Постановление Европейского Суда по делу «Икинджисой против Турции» (İkincisoğlu v. Turkey) от 27 июля 2004 г., жалоба № 26144/95, § 79, Постановление Европейского Суда по делу «Кишмир против Турции» (Kişmir v. Turkey) от 31 мая 2005 г., жалоба № 27306/95, § 85, и Постановление Европейского Суда по делу «Элчи и другие против Турции» (Elçi and Others v. Turkey) от 13 ноября 2003 г., жалобы №№ 23145/93 и 25091/94, § 642). Они также полагали, что не следует уделять чрезмерного внимания результатам других научных тестов, которые были проведены слишком быстро.

(b) Участие в расследовании

158. Заявители также жаловались на то, что документы из материалов дела были им переданы до вынесения постановления о невозбуждении уголовного преследования. Они также утверждали, что один из них не был допущен на место происшествия, хотя он выразил желание сделать это. Далее они указывали, что постановление военного суда не содержало достаточных доводов. Из этого они сделали вывод, что расследование не было доступно для семьи погибшего в той степени, которая была необходима для защиты их законных интересов, и что имел место недостаточный общественный контроль за расследованием.

(с) Независимость расследования

159. Что касается независимости расследования, заявители полагали, что, хотя статья 6 Конвенции не могла применяться как таковая в данном случае, было бы целесообразно применить ее требования к статье 2 Конвенции или, по крайней мере, принять их во внимание, тем более, что невероятно, что требования статьи 6 Конвенции были более строгими, чем требования статьи 2 Конвенции. В этой связи они ссылались на дело «Баббинс против Соединенного Королевства» (*Bubbins v. United Kingdom*) (жалоба № 50196/99, *ECtHR* 2005-II (извлечения), § 156), в котором Европейский Суд указал, что принципы, которые следуют из его правоприменительной практики в связи со статьей 6 Конвенции по вопросу об анонимных свидетелях, не имели отношения к его оценке согласно статье 2 Конвенции, гарантирова ли расследование заявительнице в данном случае, во-первых, достаточную степень участия в расследовании по факту смерти ее брата и, во-вторых, соответствующую юрисдикцию для обеспечения общественной подотчетности государства и его должностных лиц за их предполагаемые действия или бездействия, которые привели к его смерти.

160. Заявители утверждали, что в конкретном контексте причинения смерти в вооруженных силах требованиям статьи 2 Конвенции противоречит тот факт, что расследования должны проводиться армейскими офицерами, которые подчиняются воинской дисциплине, когда расследование касается действий других офицеров армии. В этом отношении они ссылались на несколько дел, в том числе, на Постановление Европейского Суда по делу «Бурсук против Румынии» (*Bursuc v. Romania*) от 12 октября 2004 г., жалоба № 42066/98, Постановление Европейского Суда по делу «Стойка против Румынии» (*Stoica v. Romania*) от 4 марта 2008 г., жалоба № 42722/02, Постановление Европейского Суда по делу «Соаре и другие против Румынии» (*Soare and Others v. Romania*) от 22 февраля 2011 г., жалоба № 24329/02, и Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Шевченко против Украины» (*Sergey Shevchenko v. Ukraine*) от 4 апреля 2006 г., жалоба № 32478/02. По их мне-

нию, действительно последнее дело было очень похоже на их дело.

161. Заявители полагали, что расследование в значительной степени опиралось на доказательств, предоставленные следователями жандармерии, которые принадлежали к тому же корпусу, в котором произошел инцидент, и которые, следовательно, не могли считаться независимыми.

162. Заявители критически высказались о военном прокуроре в связи с непроведением им самим всех следственных действий и за то, что он переложил некоторые из них на гражданского прокурора, и утверждали, что он не обеспечил все гарантии независимости от исполнительной и военных властей.

163. Кроме того, следственные органы не рассмотрели все возможные варианты, а с самого начала придерживались версии несчастного случая, что свидетельствовало об их недостаточной независимости.

164. Заявители также перечислили все элементы, которые, как они считали, были недостатками в расследовании, заявив, что они являются наглядным доказательством отсутствия независимости последнего.

165. Что касается военного суда, заявители пояснили, что в соответствующее время в состав этого суда входили три судьи, один из которых не являлся профессиональным судьей, а был офицером, который назначался в каждом конкретном случае военным начальством и который не пользовался теми же гарантиями независимости, как два других судьи, поскольку он оставался в подчинении военных властей.

Они отметили, что данное обстоятельство заставило Конституционный суд Турции исключить законодательное положение, которое предусматривало участие названного офицера в судебном разбирательстве, на том основании, что это противоречило принципу независимости судебной власти. Они также подчеркнули, что Европейский Суд сам согласился с аналогичным обоснованием, установив нарушение статьи 6 Конвенции и поставив под сомнение независимость военного суда идентичного состава.

166. Кроме того, заявители ссылались на решение Конституционного суда от 7 мая 2009 г., поставившего под сомнение независимость профессиональных судей в военном суде, которые принимали участие в рассмотрении их жалобы.

167. Они также подвергли критике то обстоятельство, что по требованию военного суда тому же прокурору было поручено провести дополнительное расследование.

168. В заключение заявители ссылались в подтверждение своих жалоб на доклад специального докладчика ООН по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях по резуль-

татам его визита в Турцию (от 18 марта 2013 г., A/HRC/23/47/Add.2), в котором пункты, посвященные фактам гибели в военных казармах, гласят следующее:

«...Подозрительные случаи самоубийства призывников и сотрудников правоохранительных органов

34. В прошлом году несколько солдат и сотрудников правоохранительных органов были объявлены погибшими в результате самоубийства. В 45 случаях информация свидетельствует о том, что самоубийство было сфальсифицировано или оно было принудительным.

35. Почти во всех случаях официальные расследования либо не проводились, либо быстро завершались и не приводили к установлению виновных лиц и последующему судебному преследованию. Поскольку расследования проводились в закрытом режиме в рамках внутренней судебной системы полиции или военных, семьям и гражданскому обществу не представляется возможным узнать, являются ли эти случаи в действительности незаконными убийствами, и обеспечить надзор. В некоторых случаях они даже не знают, было ли проведено полное и беспристрастное расследование. Недостаточный доступ к записям камерам видеонаблюдения и другим доказательствам усугубляет проблему.

36. Отсутствие прозрачного результата в подозрительных случаях самоубийств не подтверждается и не опровергается соответствующей юридической практикой. Эта тенденция указывает на необходимость надлежащего и прозрачного контроля за силами безопасности, в том числе военными. Помимо превентивного контроля также необходим функциональный механизм для подачи жалоб, расследования и ответственности за эти происходящие нарушения...».

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

169. Европейский Суд напоминает, что обязательство по защите права на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции в совокупности с общей обязанностью государства согласно статье 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся в пределах его юрисдикции, права и свободы, определенные в Конвенции» требует, чтобы была соблюдена определенная процедура проведения эффективного официального расследования в случае, когда люди были убиты в результате применения силы. Расследование должно быть, *inter alia*, основательным, беспристрастным и тщательным (см. Постановление Европейского Суда по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (McCann and Others v. United Kingdom) от 27 сентября 1995 г., Series A, № 324, §§ 161–163).

170. Форма расследования, которая необходима в связи с этим обязательством, варьируется в

зависимости от способа лишения жизни: как правило, в случае преднамеренного лишения жизни необходимо возбуждение уголовного расследования, гражданское или даже дисциплинарное производство могут соответствовать этому требованию в случае причинения смерти в результате несчастного случая (см., *inter alia*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии», § 51, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мастроматтео против Италии» (Mastromatteo v. Italy) жалоба № 37703/97, ECHR 2002-VIII, § 90, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Во против Франции», § 90).

171. Требуя, чтобы государство приняло соответствующие меры для защиты жизни тех, кто находится под его юрисдикцией, статья 2 Конвенции налагает на данное государство обязательство гарантировать право на жизнь путем принятия эффективных уголовно-правовых положений, чтобы воспрепятствовать совершению преступлений против личности, подкрепленных механизмом проведения этих положений в жизнь для предотвращения, пресечения и наказания за нарушение таких положений. Это обязательство подразумевает требование, что должны быть определенные формы эффективного официального расследования, если есть основания полагать, что лицо причинило угрожающие жизни телесные повреждения при подозрительных обстоятельствах, даже если предполагаемый виновник нападения со смертельным исходом не является представителем государства (см. Решение Европейского Суда по делу «Менсон против Соединенного Королевства» (Menson v. United Kingdom) жалоба № 47916/99, ECHR 2003-V, Постановление Европейского Суда по делу «Перейра Энрикеш против Люксембурга» (Pereira Henriques v. Luxembourg) от 9 мая 2006 г., жалоба № 60255/00, § 56, и Постановление Европейского Суда по делу «Йотова против Болгарии» (Yotova v. Bulgaria) от 23 октября 2012 г., жалоба № 43606/04, § 68).

172. Для того, чтобы соответствовать требованию эффективности, как данный термин следует понимать в контексте статьи 2 Конвенции, расследование должно быть прежде всего надлежащим (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахаи и другие против Нидерландов» (Ramsahai and Others v. Netherlands), жалоба № 52391/99, ECHR 2007-II, § 324). Таким образом, оно должно привести к установлению фактов и в случае необходимости выявлению и наказанию виновных.

173. Обязательство провести эффективное расследование является обязательством не результата, а средств: власти должны предпринять доступные для них надлежащие меры, чтобы обеспечить

получение доказательств, касающихся рассматриваемого инцидента (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Йалуд против Нидерландов» (Jaloud v. Netherlands) жалоба № 47708/08, *ECHR* 2014, § 186, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (Nachova and Others v. Bulgaria) жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, *ECHR* 2005-VII, § 160).

174. В любом случае власти обязаны принять все надлежащие меры, которые могут обеспечить получение доказательств, касающихся инцидента, в том числе, *inter alia*, показания свидетелей, проведение судебно-медицинской экспертизы и при необходимости вскрытия, предоставляющие полное и подробное заключение о телесном повреждении и объективный анализ клинической картины, включая причину смерти. Любое упущение в ходе расследования, которое препятствует установлению причины смерти или виновного, приведет к нарушению данного стандарта (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджио против Италии» (Giuliani and Gaggio v. Italy) жалоба № 23458/02, *ECHR* 2011, § 301).

175. В частности, выводы расследования должны основываться на тщательном, объективном и беспристрастном анализе всех соответствующих элементов. Неспособность следовать очевидной линии дознания в значительной степени отрицательно сказывается на способности расследования установить обстоятельства дела и в соответствующих случаях личность виновных (см. Постановление Европейского Суда по делу «Колёвы против Болгарии» (Kolevi v. Bulgaria) от 5 ноября 2009 г., жалоба № 1108/02, § 201).

176. Тем не менее характер и уровень изучения, которые удовлетворяют минимальному уровню эффективности расследования, зависят от обстоятельств конкретного дела. Невозможно сократить многообразие ситуаций, которые могут возникнуть в связи с простым контрольным перечнем следственных действий или другим упрощенным критерием (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» (Tanrikulu v. Turkey), жалоба № 23763/94, *ECHR* 1999-IV, §§ 101–110, и Постановление Европейского Суда по делу «Великова против Болгарии» (Velikova v. Bulgaria) жалоба № 41488/98, *ECHR* 2000-VI, § 80).

177. Кроме того, лица, ответственные за проведение расследования, не должны быть вовлечены в события или каким-либо образом быть причастными к ним. Это означает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и практическую независимость (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии» (Anguelova v. Bulgaria), жалоба № 38361/97, *ECHR* 2002-IV, § 138).

178. В данном контексте подразумевается требование незамедлительности и надлежащей оперативности (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства», § 167).

179. Помимо этого, расследование должно быть доступно для семьи потерпевшего в объеме, необходимом для защиты их законных интересов. Кроме того, должен существовать достаточный общественный контроль за ходом расследования, степень которого может изменяться от случая к случаю (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хью Джордан против Соединенного Королевства» (Hugh Jordan v. United Kingdom) жалоба № 24746/94, *ECHR* 2001-III, § 109). Однако необходимый доступ общественности или семьи потерпевшего может быть предоставлен и на других стадиях процедуры (см. среди прочих упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», § 304, и Постановление Европейского Суда по делу «Маккерр против Соединенного Королевства» (McKerr v. United Kingdom), жалоба № 28883/95, *ECHR* 2001-III, § 129).

180. Статья 2 Конвенции не налагает на следственные органы обязательства удовлетворять все ходатайства о конкретных следственных действиях, поданные родственниками в ходе расследования (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахан и другие против Нидерландов», § 348, и Постановление Европейского Суда по делу «Велчеа и Мазэре против Румынии» (Velcea and Mazăre v. Romania) от 1 декабря 2009 г., жалоба № 64301/01, § 113).

181. Вопрос о том, было ли расследование достаточно эффективным, должен рассматриваться на основании всех соответствующих фактов и принимая во внимание реалии сыскной деятельности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Добриева и другие против Российской Федерации» (Dobriyeva and Others v. Russia) от 19 декабря 2013 г., жалоба № 18407/10¹, § 72, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина КэмпEANу против Румынии» (Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania) от 17 июля 2014 г., жалоба № 47848/08, § 147).

182. В заключение Европейский Суд считает целесообразным напомнить, что, когда речь идет об установлении фактов и учитывая субсидиарный характер его роли, Европейский Суд должен быть внимателен, принимая на себя фактически роль суда первой инстанции, если это не было

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 1 (примеч. редактора).

обусловлено обстоятельствами конкретного дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Атайкайа против Турции» (Ataykaaya v. Turkey) от 22 июля 2014 г., жалоба № 50275/08, § 47, или Постановление Европейского Суда по делу «Лейла Алп и другие против Турции» (Leyla Alp and Others v. Turkey) от 10 декабря 2013 г., жалоба № 29675/02, § 76). Если имели место внутригосударственные разбирательства, в задачу Европейского Суда не входит подмена выводов внутригосударственных судов собственной оценкой фактов, задача последних заключается в том, чтобы устанавливать факты на основании представленных им доказательств (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Эдвардс против Соединенного Королевства» (Edwards v. United Kingdom) от 16 декабря 1992 г., Series A, № 247-B, § 34). Несмотря на то, что Европейский Суд не связан выводами внутригосударственных судов и остается свободным, чтобы сделать свое собственное заключение на основании находящихся в его распоряжении всех материалов, в обычных обстоятельствах он требует привести убедительные доводы, которые позволили бы ему пересмотреть выводы по фактам, к которым пришли внутригосударственные суды (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», § 180; и Постановление Европейского Суда по делу «Айдан против Турции» (Aydan v. Turkey) от 12 марта 2013 г., жалоба № 16281/10, § 69).

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(а) Надлежащее проведение расследования

183. Прежде всего следует отметить, что инцидент, приведший к смерти Джихана Тунча, произошел 13 февраля 2004 г., и что прокуратура была незамедлительно уведомлена о произошедшем и предварительные следственные действия были произведены в тот же день. 30 июня 2004 г. прокуратура завершила расследование и вынесла постановление о невозбуждении уголовного преследования. 14 октября 2004 г. военный суд согласился с возражениями заявителей и санкционировал проведение дополнительного расследования. После проведения дополнительных следственных действий прокуратура опубликовала свой отчет 8 декабря 2004 г. Военный суд 17 декабря 2004 г. отклонил кассационную жалобу заявителей. Через несколько дней копия данного постановления была направлена адвокату заявителей. В сложившихся обстоятельствах Европейский Суд считает, что указанные расследования были проведены с надлежащей тщательностью и что не было допуще-

но неоправданных задержек в проведении расследования.

184. Европейский Суд также считает, что власти приняли достаточные меры для сбора и сохранности доказательств, имевших отношение к рассматриваемым событиям.

185. Прежде всего не было проведено полного вскрытия, в ходе которого делались бы фотографии. Было подготовлено заключение о телесном повреждении, к которому прилагался объективный анализ клинической картины, касающейся причины смерти и вероятного расстояния, с которого был сделан выстрел.

186. Поскольку заявители жаловались на тот факт, что заключение о вскрытии и список личных вещей, найденных при погибшем, были объединены в один документ, Европейский Суд не считает, что были представлены убедительные доводы, которые обосновывали бы заключение, что этот факт мог негативно сказаться на данных по вскрытию и, следовательно, на расследовании.

187. В отношении того, что одежда погибшего была снята до прихода судебно-медицинского эксперта, Европейский Суд отмечает, что это обстоятельство не мешало тому, что эти вещи были изучены с целью определения расстояния, с которого был произведен выстрел. С другой стороны, вещи были сняты с определенной целью для их передачи в судебно-медицинскую лабораторию для исследования по распоряжению прокурора и под его надзором.

188. Заявители также выразили сомнения относительно компетенции судебно-медицинского эксперта, доктора L.E., ссылаясь на несколько судебных решений, в которых Европейский Суд предположительно критиковал проведенные им вскрытия. По указанному вопросу Европейский Суд отмечает, что любые выводы, которые могут быть сделаны относительно способа, каким было проведено вскрытие в конкретном случае, касаются исключительно этого дела и, конечно, не могут толковаться как допущение, что все вскрытия, проведенные конкретным судебно-медицинским экспертом, непременно должны иметь серьезные недостатки и что нельзя доверять его или ее выводам. В этой связи Европейский Суд напоминает, что надлежащее проведение вскрытия должно оцениваться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела.

189. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявители предоставили доказательства наличия серьезных недостатков в проведении данного исследования.

190. Кроме того, по прибытии прокурора в госпиталь он приказал взять для анализа смывы с рук погибшего и у тех, кто являлся потенциальным подозреваемым. Одежда погибшего была передана для специального исследования, которое дало научное подтверждение медицинским заключе-

ниям о расстоянии, с которого был произведен выстрел, а также входного и выводного отверстий пули. Оружие и стреляная гильза, найденные на месте происшествия, также были направлены для научного анализа.

191. Европейский Суд отмечает, что, как только эксперты прибыли, они оцепили место происшествия и приняли меры для сохранности целостности всех доказательств, которые могли оказаться важными при рассмотрении дела.

192. Следует признать, что место происшествия не оставалось в нетронутом виде до прибытия группы криминалистов по той причине, что оружие погибшего и оружие М.С. не оставались на месте происшествия (*in situ*), а были помещены и заперты в шкаф для оружия.

193. В этой связи необходимо отметить, что оружие погибшего уже перемещалось М.С., когда он пытался оказать помощь Джихану Тунчу. Следует признать, что необходимость оказания первой помощи тяжело раненному человеку должна превалировать над требованием сохранить место происшествия в том виде, в каком оно находилось в момент первого обнаружения.

194. Принимая во внимание, что оружие уже перемещали, когда стало известно об инциденте, тот факт, что его затем поместили в безопасное место, необязательно является проблемой, поскольку это не мешало провести баллистическую экспертизу оружия в лаборатории.

195. Тем не менее очевидно, что оружие не было проверено на отпечатки пальцев, хотя подобное исследование должно рассматриваться как стандартная процедура. Однако Европейский Суд считает, что данный недостаток не имел решающего значения. Даже допустив, что в результате такого исследования могли быть получены четкие отпечатки пальцев и, в частности, отпечатки пальцев М.С., весьма сомнительно, что этот факт имел бы сколь-нибудь важные последствия для хода расследования, принимая во внимание, что М.С. признался, что прикасался к оружию для того, чтобы переставить его в сторону и помочь своему сослуживцу (см. § 37 настоящего Постановления). Кроме того, материалы дела подтверждают, что заявители не ходатайствовали о проведении данного исследования в рамках своей кассационной жалобы в военный суд (см. § 62 настоящего Постановления).

196. Что касается мероприятий, проводившихся на месте происшествия, Европейский Суд отмечает, что они были проведены вскоре после того, как место происшествия было осмотрено следователями, и после завершения первого расследования. Не было доказано, что последствия этой работы, которая заключалась в цементировании земляного пола, оказали негативное влияние на качество реконструкции событий. Высота потолка была измерена, когда место происшествия было первоначально оцеплено, и в любом случае уровень пола

не был поднят в ходе ремонтных работ (см. § 67 настоящего Постановления).

197. В отношении допроса свидетелей Европейский Суд отмечает, что власти взяли несколько показаний сразу после событий. Отсутствует какое-либо подтверждение того, что власти не допросили ключевых свидетелей или что допрос проводился ненадлежащим образом.

198. Хотя в действительности солдат М.Д., сопровождавший сержанта А.А. при транспортировке Джихана Тунча в госпиталь г. Диярбакыра, вероятно, не был допрошен следователями, это не значит, что он являлся важным свидетелем. Тем более, что заявители в контексте своих жалоб не требовали проведения его допроса.

199. Заявители утверждали, что имели место серьезные расхождения в показаниях, в частности, в отношении места происшествия и караульных постов, на которые Джихан Тунч и М.С. были назначены. Тем не менее Европейский Суд не усматривает какого-либо противоречия в показаниях и, наоборот, считает, что они совпадают по этим пунктам.

200. В соответствии с материалами дела и особенно показаниями свидетелей на объекте фирмы «Перенко» было всего шесть караульных постов, и только три из них использовались. Первый пост, на котором несли дежурство, находился при въезде на объект. Второй был центральным постом и располагался в северной части объекта, известный как «низкая башня», «башня № 2» или даже «караульный пост № 4» на том основании, что он был четвертым караульным постом от въезда, учитывая, что два поста после первого у въезда не использовались. Что касается третьего караульного поста, на котором несли дежурство, это была сторожевая башня к востоку от объекта, известная как «высокая башня» или «башня № 3».

201. По мнению Европейского Суда, нет сомнений в том, что показания указывают на то, что Джихан Тунч нес дежурство в сторожевой башне, а М.С. – в башне № 2, и что инцидент произошел на последнем указанном посту.

202. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что в описании фактов, изложенных на английском языке в формуляре первичной жалобы, не делалось различия между терминами «башня» (*kule*) и «караульный пост» (*nöbet mevzisi*), которые оба переводились английским словом «башня», хотя переводы на английский язык показаний свидетелей, предоставленные свидетелями в подтверждение своей жалобы, учитывают это различие. Таким образом, жалоба заявителей основывается на приблизительном переводе терминов, используемых в показаниях свидетелей.

203. Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что сержант А.К. указывал в одном из своих показаний, что Джихан Тунч нес дежурство на «караульном посту № 2» (см. § 52 настоящего

Постановления). Однако если рассматривать его показания в полном объеме, очевидно, что он путает некоторые названия караульных постов, поскольку сержант в тех же показаниях дважды четко упомянул, что Джихан Тунч находился на дежурстве в сторожевой башне («башне № 3» или «высокой башне»).

204. Более того, можно считать, что показания М.С. имели несоответствия в том плане, что при беглом просмотре его показаний у следователя, ведущего расследование, могло создаться впечатление, что он находился на расстоянии семи или восьми метров от Джихана Тунча, прежде чем покинуть караульный пост (см. § 40 настоящего Постановления), хотя указанный пост был размером 2 × 2 м (см. § 27 настоящего Постановления). Вместе с тем, если принять во внимание оба показания (см. §§ 37 и 40 настоящего Постановления), становится ясно, что М.С. отметил, что он стоял в нескольких метрах от караульного поста.

205. Следовательно, жалоба, в которой утверждается, что власти неправильно провели допросы и не смогли объяснить расхождения, которые в них были, является необоснованной.

206. В заключение Европейский Суд отмечает, что лица, ответственные за проведения расследования, рассмотрели различные версии произошедшего. Очевидно, что версия самоубийства была отклонена из-за положений тела и винтовки в момент, когда раздался выстрел (см. §§ 63, 72 и 73 настоящего Постановления). Хотя вероятность незаконного убийства была в итоге отклонена прокурором на основании недостаточных доказательств, в начале расследования она, безусловно, рассматривалась.

207. Фактически М.С. был допрошен дважды. Следователи спросили его, пришел ли Джихан Тунч, чтобы подражаться, и пытался ли он отобрать оружие последнего. Кроме того, незамедлительно были взяты смывы с рук М.С., а его винтовка была направлена для проведения анализа с целью проверить достоверность его версии. Следователи также допросили сослуживцев Джихана Тунча с целью установить, был ли он вовлечен в конфликт с кем-нибудь и при необходимости установить, существовал ли мотив для убийства. Очевидно, что ни одна из этих мер не была выполнена, если криминальная версия не рассматривалась серьезно.

208. Следовательно, нельзя утверждать, что прокуратурой не были рассмотрены все версии, кроме той, которую в итоге она приняла, или что она условно согласилась с версией, изложенной солдатом, который последним видел Джихана Тунча живым, и который, следовательно, мог быть подозреваемым.

Европейский Суд также отмечает, что заключение частного эксперта, предоставленное заявителями, в целом подтверждает выводы следствия.

209. В итоге Европейский Суд не усматривает недостатков, которые могли поставить под сомнение предельную оперативность и тщательность расследования, проведенного внутригосударственными судебными органами.

(b) Участие родственников погибшего в расследовании

210. Европейский Суд напоминает, что он уже установил нарушение процессуальной составляющей в делах, в которых заявители были информированы о судебных решениях, касающихся расследования дела с существенной задержкой, и в которых предоставленная информация не содержала конкретных подробностей для обоснования этих постановлений (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Труфин против Румынии» (Trufin v. Romania) от 20 октября 2009 г., жалоба № 3990/04, § 52, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Велчеа и Мазэре против Румынии», § 114), на том основании, что такая ситуация, скорее всего, была создана для предотвращения любого эффективного обжалования.

211. Таким образом, в Постановлении Европейского Суда по делу «Анык и другие против Турции» (Anik and Others v. Turkey) от 5 июня 2007 г., жалоба № 63758/00, §§ 76–77, отмечалось, что в этом деле после вынесения постановления о невозбуждении уголовного преследования заявителям не выдавали каких-либо документов из материалов дела, за исключением их собственных показаний. Европейский Суд также установил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции на том основании, что постановление о невозбуждении уголовного преследования не могло эффективно обжаловаться без предварительного ознакомления с материалами расследования.

212. Однако Европейский Суд напоминает, что требуемый доступ общественности или родственников потерпевшего может быть предоставлен на других стадиях процедуры (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», § 304).

213. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявителям была предоставлена копия всего постановления о невозбуждении уголовного дела от 30 июня 2004 г., содержащая краткое изложение материалов расследования и обоснование для вынесения постановления. Последние впоследствии получили доступ к материалам расследования. Кроме того, военный прокурор уведомил адвоката заявителей в письменной форме о том, что, применив закон об адвокатуре, она могла ознакомиться с материалами дела и сделать копии с любого документа, который она сочла необходимым (см. § 60 настоящего Постановления).

214. Таким образом, после ознакомления с материалами дела заявители обжаловали постановление о невозбуждении уголовного преследования. Следовательно, нельзя считать, что они не могли эффективно реализовать свои права.

215. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что военный суд, который рассмотрел их кассационную жалобу, согласился с определенными доводами заявителей, поскольку судьи санкционировали проведение дополнительных следственных действий, потребовав, чтобы вопрос о траектории полета пули был рассмотрен более детально и чтобы прокуратура предоставила объяснения, касающиеся наличия следов пороха на руках M.S. Прокуратура решила эти вопросы, в частности, путем проведения реконструкции событий.

216. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что заявителям был предоставлен доступ к информации, полученной в ходе расследования, в достаточной степени, чтобы они эффективно участвовали в рассмотрении дела.

(с) Эффективность расследования

(i) Предварительные возражения

217. Европейский Суд напоминает, что процессуальная защита права на жизнь, предусмотренная статьей 2 Конвенции, подразумевает, что расследование должно быть достаточно независимым. Европейский Суд также отмечает, что статья 6 Конвенции, которая гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, устанавливает требование о независимости.

218. Вместе с тем Европейский Суд констатирует, что статья 6 Конвенции не применима к настоящему делу. Дела по иску одного лица для обжалования постановления о невозбуждении уголовного преследования другого лица сами неориентированы на то, чтобы определять «гражданские права и обязанности». В законодательстве Турции они не влияют на положение стороны при предъявлении иска о компенсации. Следовательно, статья 6 Конвенции неприменима согласно своей гражданской составляющей (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перес против Франции» (Perez v. France) жалоба № 47287/99, ECHR 2004-I, § 67). Что касается уголовной составляющей статьи 6 Конвенции, Европейский Суд напоминает, что сама по себе формулировка статьи 6 Конвенции («в отношении него») проясняет, что в уголовных делах гарантии данного положения защищают лицо, которому предъявлено уголовное обвинение (см. по тем же основаниям упомянувшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахаи и другие против Нидерландов», § 359). Европейский Суд отме-

чает, что отсутствовали какие-либо разногласия между сторонами по данному вопросу.

219. Принимая во внимание выводы Палаты Европейского Суда, доводы, приведенные в ходатайстве властей Турции о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда, и позиции сторон, изложенные в их меморандумах, Европейский Суд, тем не менее, считает целесообразным дать некоторое разъяснение, касающееся требования о том, что расследование должно быть независимым для соответствия целям статьи 2 Конвенции и, в частности, относительно того, должны ли следственные органы в широком смысле соответствовать такому же критерию независимости, как те, которые преобладают в соответствии со статьей 6 Конвенции.

220. Прежде всего Европейский Суд считает, что, хотя требования справедливого судебного разбирательства могут побуждать к рассмотрению процессуальных вопросов в рамках других положений, таких как статья 2 или 3 Конвенции, предоставленные гарантии необязательно должны оцениваться аналогичным образом.

221. Статья 6 Конвенции требует, чтобы суд при рассмотрении обвинения по существу был независим от законодательной и исполнительной властей и от сторон. Соблюдение данного требования оценивается, в частности, на основании установленного критерия, такого как порядок назначения членов суда, срок их полномочий или наличие достаточных гарантий в связи с риском внешнего давления. Также уместным является вопрос, соблюдает ли следственный орган презумпцию независимости.

222. Со своей стороны требования статьи 2 Конвенции предусматривают конкретное рассмотрение вопроса о независимости расследования в полном объеме, а не абстрактную оценку (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аслаханова и другие против Российской Федерации» (Aslakhanova and Others v. Russia) от 18 декабря 2012 г., жалобы №№ 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08 и 42509/10¹, § 235). Таким образом, в ряде дел Европейский Суд принял во внимание некоторые аспекты, например, такие как факт того, что следователи являлись потенциальными подозреваемыми (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бекташ и Ёзалп против Турции» (Bektaş and Özalp v. Turkey) от 20 апреля 2010 г., жалоба № 10036/03, § 66, и Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (Orhan v. Turkey) от 18 июня 2012 г., жалоба № 25656/94², § 342), что они были близкими коллегами лиц, находящихся под следствием или могли быть такими (см. упоми-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2015. № 8 (примеч. редактора).

навшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахаи и другие против Нидерландов», §§ 335–341, Постановление Европейского Суда по делу «Эмарс против Латвии» (*Emars v. Latvia*) от 18 ноября 2014 г., жалоба № 22412/08, §§ 85 и 95, и Постановление Европейского Суда по делу «Акташ против Турции» (*Aktaş v. Turkey*) жалоба № 24351/94, *ECtHR* 2003-V, § 301), что они были руководителями либо подчиненными потенциальных подозреваемых (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шандру и другие против Румынии» (*Şandru and Others v. Romania*) от 8 декабря 2009 г., жалоба № 22465/03, § 74, и Постановление Европейского Суда по делу «Енукидзе и Гиргвлиани против Грузии» (*Enukidze and Girgvlani v. Georgia*) от 26 апреля 2011 г., жалоба № 25091/07, §§ 247 и последующие) или что конкретные действия следственных органов подтверждали отсутствие независимости, такие как непроведение определенных действий, предусмотренных для установления истины по делу и при необходимости наказания виновных (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Шевченко против Украины», §§ 72 и 73), факт того, что чрезмерное значение имели показания подозреваемых (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кайа против Турции» (*Kaya v. Turkey*) от 19 февраля 1998 г., *Reports* 1998-I, § 89, и Постановление Европейского Суда по делу «Гримайловс против Латвии» (*Grimailovs v. Latvia*) от 25 июня 2013 г., жалоба № 6087/03, § 114), неизучение определенных версий расследования, которые явно требовали рассмотрения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Огюр против Турции» (*Oğur v. Turkey*) жалоба № 21594/93, *ECtHR* 1999-III, §§ 90–91), или чрезмерная инерция (см. Постановление Европейского Суда по делу «Рупа против Румынии (№ 1)» (*Rupa v. Romania*) (№ 1) от 16 декабря 2008 г., жалоба № 58478/00, §§ 123 и 124).

223. Кроме того, статья 2 Конвенции не требует, чтобы лица и органы, ответственные за расследование, пользовались бы абсолютной независимостью, а предусматривает, чтобы они были достаточно независимыми от лиц и структур, чья ответственность, вероятно, будет установлена (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахаи и другие против Нидерландов», §§ 343 и 344). Надлежащая степень независимости оценивается с учетом всех обстоятельств, которые являются особыми в каждом конкретном деле.

224. Если законная или институциональная независимость находится под вопросом, то в такой ситуации, хотя и не решающим фактором, будет предъявление суду требования об осуществлении более строгого надзора за расследованием, проводилось ли оно независимым образом. Если возни-

кает вопрос о независимости и беспристрастности расследования, правильный подход заключается в изучении вопроса, оказало ли и в какой степени негативное влияние спорного обстоятельства на эффективность расследования и на его способность прояснить обстоятельства смерти, а также на наказание виновных.

225. В связи с этим Европейский Суд считает целесообразным указать, что соблюдение процессуальных требований статьи 2 Конвенции оценивается на основании нескольких значимых параметров: надлежащее проведение следственных действий, незамедлительность расследования, привлечение членов семьи погибшего и независимость расследования. Эти параметры взаимосвязаны, и каждый из них, взятый отдельно, не является самоцелью, как в случае требования независимости согласно статье 6 Конвенции. Взятые в совокупности они являются критерием, с помощью которого оценивается степень эффективности расследования. Именно в отношении этой цели проведения эффективного расследования должны оцениваться любые вопросы, в том числе вопрос независимости расследования.

226. Вышеуказанные принципы были реализованы во многих делах, в том числе в тех, которые приведены далее по тексту.

227. В нескольких делах Европейский Суд установил отсутствие независимости расследований, проводившихся военными прокурорами, после рассмотрения не только внутригосударственных норм (согласно которым последние несли ответственность за нарушения воинской дисциплины и являлись частью военной структуры, построенной по принципу иерархического подчинения), но также действий причастных лиц, которые подтвердили отсутствие беспристрастности при проведении расследования весомом доказательством, например, непроведением всех следственных действий, которые были необходимы для завершения расследования (см. Постановление Европейского Суда по делу «Барбу Ангелеску против Румынии» (*Barbu Anghelescu v. Romania*) от 5 октября 2004 г., жалоба № 46430/99, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Соаре и другие против Румынии», § 71), отказом возбуждать уголовные дела, несмотря на норму, согласно которой это должно было быть сделано (см. Постановление Европейского Суда по делу «Думитру Попеску против Румынии (№ 1)» (*Dumitru Popescu v. Romania*) (№ 1) от 26 апреля 2007 г., жалоба № 49234/99, §§ 75 и последующие) или отказом рассмотреть заключения судебно-медицинских экспертов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бурсук против Румынии» (*Bursuc v. Romania*) от 12 октября 2004 г., жалоба № 42066/98, §§ 107–109).

228. В недавнем Постановлении Европейского Суда по делу «Мантог против Румынии» (*Mantog*

v. Romania) (от 11 октября 2007 г., жалоба № 2893/02, §§ 70 и последующие), отметив, что в предыдущих делах он пришел к выводу, что военные прокуроры не были независимыми, особенно принимая во внимание нормы, действовавшие в Румынии, Европейский Суд заключил, что расследование, проводившееся в данном деле военным прокурором по факту смерти дочери заявителя, было независимым, указав, что степень независимости следственного органа должна оцениваться на основании конкретных обстоятельств дела, предоставленных Европейскому Суду для рассмотрения. При этом Европейский Суд принял во внимание, в частности, тот факт, что военный прокурор не был связан с лицами, находившимися под следствием, углубленный характер исследований, а также то, что вышеуказанный прокурор возобновил дело по ходатайству заявителя. Европейский Суд также принял во внимание то обстоятельство, что указанное расследование не имело отношения к незаконному убийству или жестокому обращению со стороны представителей государства при исполнении ими своих обязанностей. Хотя обвиняемыми были сотрудники полиции, дело не имело отношения к применению силы со смертельным исходом со стороны представителей государства.

229. Аналогичным образом в Решении Европейского Суда по делу «Штефан против Румынии» (Stefan v. Romania) (от 29 ноября 2011 г., жалоба № 5650/04, § 48) Европейский Суд в очередной раз, приняв во внимание конкретные действия прокурора, пришел к выводу, что расследование, проведенное им, было независимым, несмотря на правовые нормы, которые не позволяли ему быть достаточно независимым в силу закона. В указанном деле Европейский Суд сделал свой вывод на основании углубленного характера исследований, а также на том факте, что они не имели отношения к незаконным убийствам или жестокому обращению со стороны представителей государства, исполнявших свои обязанности.

230. В нескольких делах против Турции, таких как Постановление Европейского Суда по делу «Гюлеç против Турции» (Güleç v. Turkey) (от 27 июля 1998 г., Reports 1998-IV), касающееся смерти во время демонстрации, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции на основании того, что не только ведение расследования под надзором административного совета провинции в контексте дел в отношении гражданских служащих вызвало серьезные сомнения и следственный орган не был независимым от исполнительной власти, но и расследование не было ни тщательным, ни состязательным. Впоследствии в Постановлении Европейского Суда по делу «Танрыбилир против Турции» (Tanrıbilir v. Turkey) (от 16 ноября 2000 г., жалоба № 21422/93, §§ 54–85), которое касалось смерти через повешение во время содержания под

стражей в отделении жандармерии, Европейский Суд, сделав ссылки на свой вывод в Постановлении по делу «Гюлеç против Турции» о независимости административного совета провинции, пришел к заключению, что в данном конкретном случае указанное расследование, хотя и проводилось под надзором административного совета провинции, чья независимость от исполнительной власти вызывала сомнения, было проведено с соблюдением процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд основывал свои выводы на детальном характере предварительного расследования, проведенного с целью определения того, существовала ли какая-либо ответственность за вину со стороны жандармов.

231. В отношении Постановления Европейского Суда по делу «Сергей Шевченко против Украины» (упоминавшемся выше), на которое ссылались заявители, Европейский Суд отмечает, что в данном случае он следует той же логике. В указанном деле, которое касалось смерти лейтенанта Военно-воздушных сил, который был найден мертвым в караульном помещении с двумя огнестрельными ранениями в голову, и по которому власти пришли к выводу, что он покончил жизнь самоубийством, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции. Делая подобный вывод, Европейский Суд принял во внимание, что человек, который первоначально был ответственен за проведение расследования, командир части, являлся представителем властей, заинтересованных в том, чтобы в дальнейшем следователи не имели гарантий в отношении давления со стороны вышестоящих лиц, и что с самого начала они, казалось, стремились согласиться с версией самоубийства, которой отдавали предпочтение военные власти. Кроме того, следователи не провели реконструкцию событий, хотя это было не только необходимо, но и санкционировано военным судом, действовавшим в качестве суда кассационной инстанции. Кроме того, не были проведены другие значимые следственные действия (смыывы с рук погибшего на наличие остатков пороха или изучено мнение второго эксперта графолога) и заявитель был отстранен от дела, вопреки обычной практике. Иными словами, отсутствие нормативных гарантий само по себе не являлось решающим основанием. Оно сопровождалось многочисленными недостатками и упущениями в расследовании, которые являлись очевидным проявлением отсутствия независимости.

232. Кроме того, что касается вмешательства суда или судьи на последнем этапе расследования, Европейский Суд принимает во внимание целый ряд процессуальных гарантий, которые могут, несмотря на их разнообразие, быть совместимы с Конвенцией, которая не отдает предпочтение какой-либо конкретной модели (см. *mutatis*

mutandis упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Колевы против Болгарии», § 208). В случаях, когда не было признаков проявления незаконности или серьезных недостатков, которые могли бы заставить Европейский Суд прийти к выводу, что расследование было ненадлежащим, Европейский Суд должен выйти за рамки своей юрисдикции, чтобы толковать статью 2 Конвенции как наложение на власти обязательства создать средство судебной защиты (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гюртекин и другие, а также две других жалобы против Кипра» (*Gürtekin and Others and Two Other applications v. Cyprus*) от 11 марта 2014 г., жалобы №№ 60441/13, 68206/13 и 68667/13).

233. Однако, хотя это само по себе не является требованием, вмешательство суда или судьи, пользующихся достаточными законными гарантиями независимости, является дополнительным элементом, обеспечивающим условие независимости расследования, что в целом должно гарантироваться (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахаи и другие против Нидерландов», § 345, в котором Европейский Суд, приняв во внимание, *inter alia* возможность рассмотрения дела независимым трибуналом, пришел к выводу, что расследование было независимым, несмотря на то, что прокурор, проводивший его, имел тесные профессиональные отношения с офицерами полиции, находившимися под следствием). Данное вмешательство может оказаться необходимым в некоторых случаях, учитывая характер рассматриваемых фактов и особый контекст, в котором они происходят.

234. Тем не менее необходимо указать, что, хотя вмешательство надзорного органа может привести к каким-либо недостаткам в расследовании, которые должны быть устранены, это не всегда возможно, учитывая последний этап, на котором орган часто становится вовлеченным (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства», § 173).

(ii) Настоящее дело

235. Европейский Суд отмечает, что расследование, проведенное по факту смерти Джихана Тунча, проводилось на двух уровнях: с одной стороны, расследования, проводившиеся прокурором, и, с другой стороны, новое расследование проводившееся военным судом Военно-воздушных сил в г. Диярбакыре.

(α) Независимость расследований, проводившихся прокурором

236. Европейский Суд отмечает, что в рассматриваемое время работа военных прокуроров оце-

нивалась командиром военной части, в которой они исполняли свои обязанности в связи с их «аттестационным листом офицера». Этот лист использовался в контексте продвижения по службе. Правда, это был не единственный элемент, который был принят во внимание, поскольку продвижение по службе также зависит от профессионального аттестационного листа. Кроме того, прокуроры были защищены рядом существенных гарантий, таких как особая система назначения, требовавшая, в частности, участия Президента Республики Турция (см. § 88 настоящего Постановления), конкретные ссылки на их независимость согласно Конституции и законодательству (см. §§ 86 и 87 настоящего Постановления), запрет давать распоряжения о возбуждении дела (см. §§ 89 и 91 настоящего Постановления). Несмотря на эти гарантии, которые прилагались к функции прокурора, наличие подобной оценки вышестоящим офицером в военной иерархии предоставляло повод для опасений, касавшихся возможности того, что лица, дававшие оценку, могли, несмотря на требования законодательства, таким образом оказывать давление на военных прокуроров.

237. Тем не менее эти опасения, связанные с независимостью в силу закона военных прокуроров в рассматриваемое время, очевидно, сами по себе не являются достаточными, чтобы сделать вывод, что расследование не было независимым. *In concreto*¹ необходимо проверить независимость прокурора Е.Ö. 7-го армейского корпуса, рассмотрев, с одной стороны, был ли он связан с лицом или лицами, возможно, находившимися под следствием, и, с другой стороны, существовали ли реальные подтверждения предвзятости в его действиях.

238. Что касается первого пункта, Европейский Суд отмечает, что военный прокурор не был связан иерархически или иным образом ни с главным подозреваемым, ни с сотрудниками жандармерии, находившимися на объекте «Перенко», ни с центральной жандармерией г. Коджакёу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тихонова против Российской Федерации» (*Tikhonova v. Russia*) от 30 апреля 2014 г., жалоба № 13596/05², § 82, и Постановление Европейского Суда по делу «Переведенцевы против Российской Федерации» (*Perevedentsevy v. Russia*) от 24 апреля 2014 г., жалоба № 39583/05³, § 107) или даже вообще с жандармерией. Нет ничего, что указывало бы, например, на то, что данное лицо имело тесные рабочие отношения с названными сотрудниками жандармерии.

¹ *In concreto* (лат.) – в действительности (примеч. переводчика).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (примеч. редактора).

³ См.: там же. № 4 (примеч. редактора).

239. В отношении второго пункта Европейский Суд отмечает, что прокурор отвечал за расследование, в ходе которого были собраны все доказательства, которые необходимо было получить, и что нельзя необоснованно его критиковать за непроведение конкретного следственного действия. Ничто не наводит на предположение о том, что им не были рассмотрены все версии расследования, в частности, версия незаконного убийства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Панков против Болгарии» (*Pankov v. Bulgaria*) от 7 октября 2010 г., жалоба № 12773/03, § 54). Наоборот, представляется, что все возможные версии расследования, в том числе совершение уголовного преступления, были предусмотрены (см. §§ 206 и 208 настоящего Постановления).

240. С самого начала прокурор руководил расследованием (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Сачилык и другие против Турции» (*Saçılık and Others v. Turkey*) от 5 июля 2011 г., жалобы №№ 43044/05 и 45001/05, § 98). Он незамедлительно поехал в госпиталь, в который был доставлен Джихан Тунч. Там он руководил вскрытием, санкционировал взятие образцов у погибшего и у М.С., человека, который последний видел Джихана Тунча живым, и допросил М.С. Одновременно с этим он направил гражданского прокурора на место происшествия, поручив ему контролировать работу судебно-медицинских экспертов.

241. Именно на основании доказательств, собранных под его контролем, прокуратура в постановлении с указанием достаточного обоснования пришла к выводу, что инцидент произошел в результате несчастного случая (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джурджевич против Хорватии» (*Đurđević v. Croatia*), жалоба № 52442/09, *ECHR* 2011, §§ 89–91). Следовательно, нельзя утверждать, что органы прокуратуры безоговорочно согласились с представленной им версией (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», § 321).

242. Кроме того, необходимо отметить, что военный прокурор провел дополнительные следственные действия, предписанные судом после кассационного обжалования заявителями постановления о невозбуждении уголовного преследования (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Барбу Ангелеску против Румынии» и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Шевченко против Украины», § 72, где имела место противоположная ситуация). В связи с этим Европейский Суд не понимает, почему сам факт того, что тот же прокурор, который осуществлял указанные действия, мог представлять проблему.

243. Что касается непрокурорских следователей, Европейский Суд отмечает, что, хотя они и

являлись сотрудниками корпуса жандармерии, внутри которого произошел инцидент, они не имели отношения к тому объекту, где произошел инцидент, или же к центральной жандармерии г. Коджакёй, к которой были прикреплены сотрудники жандармерии, ответственные за охрану объекта «Перенко» (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции», § 342). Отсутствовал иерархический тип отношений между этими следователями и лицами, такими как М.С, которые, вероятно, были причастны к инциденту. Указанные следователи, которые были прикреплены к жандармерии г. Диярбакыра, не являлись сослуживцами указанных лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу «Путинцева против Российской Федерации» (*Putintseva v. Russia*) от 10 мая 2012 г., жалоба № 33498/0413, § 52, или для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Акташ против Турции», § 301, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бекташ и Ёзалп против Турции», § 66). Кроме того, они не руководили расследованием, не осуществляли общий контроль, за который отвечал прокурор.

244. Кроме того, основные действия, проводившиеся следователями, касались научных аспектов расследования, таких как взятие образцов или проведение баллистических экспертиз. Тот факт, что следователи являлись сотрудниками жандармерии, сам по себе не может повлиять на беспристрастность расследования. Утверждение обратного во многих случаях налагало бы неприемлемые ограничения на способность судебной системы назначать проверку сотрудников правоохранительных органов, которые часто достаточно компетентны в данном вопросе (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», § 322).

(β) Независимость расследования, проводившегося военным судом

245. Европейский Суд отмечает, что, принимая во внимание правовые нормы, действовавшие в рассматриваемое время, существовали факторы, которые ставили под сомнение независимость в силу закона военного суда 2-го корпуса вооруженных сил, находившегося в г. Диярбакыре, который назначил рассмотрение кассационной жалобы заявителей на постановление прокурора о невозбуждении уголовного преследования.

246. Во-первых, один из трех судей этого суда являлся кадровым офицером, и в отношении него не предусматривались те же гарантии независимости, какие были в отношении двух других судей. Действительно, такое же обстоятельство привело Европейский Суд к выводу о нарушении статьи 6

Конвенции в упоминавшемся выше деле «Гюркан против Турции», в котором военный суд был сформирован аналогичным образом.

247. Во-вторых, как прокуроры, так и военные судьи в соответствующее время зависели от оценки командира воинской части, в которой они несли службу, в настоящем деле 2-й корпус военно-воздушных сил, в форме их «аттестационного листа офицера». Здесь также следует отметить, что это был не единственный принятый во внимание фактор: продвижение по службе также зависело от профессионального аттестационного листа, и военные судьи пользовались рядом гарантий независимости: система структурных назначений, требовавшая, в частности, участия президента республики (см. § 88 настоящего Постановления), конкретные ссылки об их независимости в Конституции и законодательстве (см. §§ 86–87 настоящего Постановления), абсолютный запрет давать им рекомендации или делать предложения и пытаться повлиять на судебное решение (см. там же) и уголовная ответственность за любую попытку сделать это (см. § 89 настоящего Постановления). Однако несмотря на эти гарантии, система назначения судей была такой, что вызывала сомнения, касавшиеся ее независимости по смыслу Конституции. Действительно, Конституционный суд раскритиковал существовавшую систему (см. §§ 95–100 настоящего Постановления).

248. Следует заметить, что высший суд Турции принял решение по вопросу, соответствовала ли система назначения конституционному принципу независимости судебной системы в общем виде, не делая различия между обязанностями судьи, которые заключаются в принятии решения по существу дела, и юрисдикцией военного суда в области рассмотрения уголовных расследований. Таким образом, Конституционный суд специально не принял решения по этому последнему пункту.

249. В любом случае Европейский Суд напоминает, что согласно статье 2 Конвенции приведенные выше соображения (см. §§ 245 и 247 настоящего Постановления) сами по себе недостаточны, чтобы прийти к выводу, что расследование не было независимым. Действительно данное положение не предусматривает абсолютную независимость. Кроме того, независимость расследования должна оцениваться *in concreto*.

250. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что члены суда не были связаны иерархически или материально с сотрудниками жандармерии, служившими на объекте «Перенко» или в центральной жандармерии г. Коджакёй, или даже в жандармерии вообще. Фактически рассматриваемый военный суд относился к судебному округу 2-го корпуса воздушных сил, который являлся частью военно-воздушных сил.

251. Европейский Суд также отмечает, что в действиях суда или судей не было ничего, что ука-

зывало бы на то, что последние не стремились прояснить обстоятельства смерти, безоговорочно соглашаясь с предоставленными им заключениями, или препятствовали расследованию уголовного дела в отношении М.С.

252. Напротив, аналогичным образом в вышеприведенных Постановлении Европейского Суда по делу «Мантог против Румынии» и Решении Европейского Суда по делу «Штефан против Румынии» суд удовлетворил первоначальную кассационную жалобу заявителей, санкционировав проведение дополнительных расследований, чтобы проверить достоверность гипотезы об аварии, выдвинутой прокуратурой. Именно на основании этих последующих следственных действий, в том числе реконструкции событий, суд в итоге отклонил кассационную жалобу заявителей.

253. Тот факт, что суд постановил, что все следственные действия, необходимые для установления истины, были проведены и что отсутствовали соответствующие доказательства для предъявления иска подозреваемому, в любом случае не может рассматриваться как признак отсутствия независимости. В связи с этим Европейский Суд напоминает, что на власти налагается обязательство не результата, а средства, и что статья 2 Конвенции не подразумевает права на вынесение обвинительного приговора или на возбуждение уголовного преследования.

(γ) Обвинение, касающееся независимости расследования

254. Признавая, что в настоящем деле нельзя рассматривать, что лица, ответственные за проведение расследования, пользовались полной независимостью, предусмотренной законом, Европейский Суд полагает, учитывая, с одной стороны, отсутствие прямой иерархической, институциональной или иной связи между этими лицами и главным возможным подозреваемым и, с другой стороны, конкретные действия этих лиц, которые не свидетельствовали об отсутствии независимости или беспристрастности в проведении расследования, что расследование было достаточно независимым по смыслу статьи 2 Конвенции.

255. В этом отношении Европейский Суд подчеркивает, что смерть Джихана Тунча произошла при обстоятельствах, которые не позволяют *a priori*¹ выдвинуть обвинения в отношении сил безопасности как организации, например, в случае смерти, причиненной в ходе столкновений, связанных с применением силы в ходе демонстраций военных операций и операций, проводимых сотрудниками полиции, или в случаях насильственной смерти во время содержания под стражей. Даже на основании уголовной версии, кото-

¹ *A priori* (лат.) – заранее (примеч. переводчика).

(Перевод)

рой, по всей видимости, придерживаются заявители, подозрение пало бы на М.С., а не на власти. Тем не менее факт заключается в том, М.С. являлся лишь призывником, а не армейским офицером, имевшим воинское звание. Хотя, безусловно, он был военнотружашим, но подозрения в отношении него не были связаны с его конкретным статусом как жандарма или как лица из состава вооруженных сил.

(d) Общие выводы

256. В заключение Европейский Суд считает, что расследование, проведенное в настоящем деле, было достаточно тщательным и независимым, и что заявители были привлечены к расследованию в достаточной степени, чтобы защитить свои интересы и иметь возможность реализовать их права.

257. Следовательно, не было допущено нарушения процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика о том, что заявители утратили статус жертв;

2) *постановил* 12 голосами «за» при пяти – «против», что отсутствовало нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, оглашено в ходе публичного слушания во Дворце прав человека в г. Страсбурге 14 апреля 2015 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Йохан КАЛЛЕВАРТ	Дин ШПИЛЬМАНН
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие несовпадающие мнения:

(а) совместное совпадающее мнение судей Дина Шпильманна, Марка Виллигера, Ишиля Каракаш, Инеты Зиемеде и Роберта-Рагнара Спано;

(b) совпадающее мнение судьи Винсента А. де Гаэтано;

(с) совместное несовпадающее мнение судей Дина Шпильманна, Ишиля Каракаш, Инеты Зиемеде, Луиса Лопеса Герры и Винсента А. де Гаэтано.

**СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ
СУДЕЙ ДИНА ШПИЛЬМАННА,
МАРКА ВИЛЛИГЕРА, ИШИЛЯ КАРАКАШ,
ИНЕТЫ ЗИЕМЕДЕ И РОБЕРТА-РАГНАРА СПАНО**

С сожалением отмечаем, что мы не можем согласиться с выводами Большой Палаты в отношении возражения властей государства-ответчика относительно статуса жертвы заявителей. Большинство судей постановило в §§ 126 и 127 настоящего Постановления, что возражение «не касается вопроса, который находится в юрисдикции [Европейского Суда]», и что на том этапе разбирательства «власти Турции утратили право выдвигать предварительное возражение о статусе жертвы заявителей...».

Мы не можем согласиться с таким подходом, который мы считаем несовместимым с правоприменительной практикой Европейского Суда. В своем Решении по делу «R.P. и другие против Соединенного Королевства» (R.P. and Others v United Kingdom) от 9 октября 2012 г., жалоба № 38245/08, Европейский Суд постановил (§ 47):

«Несмотря на то, что власти государства-ответчика не выдвинули возражение по данному основанию, Европейский Суд отмечает, что возражение относительно статуса жертвы не является возражением, которое находится в юрисдикции Европейского Суда, и, таким образом, Европейский Суд может выдвигать его по своей собственной инициативе (см. *mutatis mutandis* Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блечич против Хорватии» (Blečić v. Croatia), жалоба № 59532/00, ECHR 2006-III, § 67)».

Европейский Суд недавно подтвердил данный подход в своем Решении по делу «Фурман против Словении и Австрии» (Furman v. Slovenia and Austria) (Решение вынесено 5 февраля 2015 г., жалоба № 16608/09). В § 84 данного Решения говорится:

«Европейский Суд уже постановил, что вопрос о приемлемости на основании статуса жертвы находится в юрисдикции Европейского Суда, и Европейский Суд может ставить его как таковой по собственной инициативе (см. Решение Европейского Суда по делу «R.P. и другие против Соединенного Королевства» (R.P. and Others v United Kingdom) от 9 октября 2012 г., жалоба № 38245/08, § 47)».

По нашему мнению, в настоящем деле Европейский Суд должен был рассмотреть возражение властей государства-ответчика, а не отклонять его со ссылкой на доктрину процессуального отвода (правила, согласно которому субъект права не может ссылаться на какие-либо факты ввиду сделанного им ранее заявления об обратном и не может отрицать правомерность действий другой стороны, если последняя произвела некоторые действия на основании действий или слов первой стороны).

Мы также считаем, что Европейский Суд не должен занимать такую жесткую позицию по данному

вопросу, принимая во внимание, что в последующих параграфах он переходит к рассмотрению возражения на основании «даже предположив» и затем отклоняет его.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО

У меня было преимущество от прочтения совместного совпадающего мнения судей Шпильманна, Виллигерра, Каракаша и Спано.

Хотя я согласен с тем, что формулировка § 126 настоящего Постановления весьма спорная, я придерживаюсь мнения, что в настоящем деле власти государства-ответчика справедливо утратили право на подачу предварительного возражения в связи с отсутствием статуса жертвы заявителей.

По моему мнению, правильный подход в настоящем деле был изложен в § 82 Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*) жалобы №№ 32541/08 и 43441/08, *ECtHR* 2014 (извлечения), в котором говорится следующее:

«При отсутствии каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли освободить власти государства-ответчика от выдвижения данного возражения в установленный срок, Европейский Суд считает, что власти государства-ответчика утратили право выдвижения их предварительного возражения, касавшегося статуса жертвы заявителя (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Сейдович против Италии” (*Sejdovic v. Italy*) жалоба № 56581/00, *ECtHR* 2006-II, § 41, Постановление Европейского Суда по делу “Прокопович против Российской Федерации” (*Prokhorovich v. Russia*) жалоба № 58255/00¹, *ECtHR* 2004-XI (извлечения), § 29, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Андреева против Латвии” (*Andrejeva v. Latvia*) жалоба № 55707/00, *ECtHR* 2009, § 49)».

Безусловно, Европейский Суд при всех обстоятельствах по своему статусу свободен ставить аналогичный вопрос, однако в настоящем деле это не так. По этой причине §§ 128–135 настоящего Постановления не являются необходимыми, и вопрос о предварительном возражении не требовал последующего рассмотрения после § 127 настоящего Постановления.

СОВМЕСТНОЕ НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ДИНА ШПИЛЬМАННА, ИШИЛЬ КАРАКАШ, ИНЕТЫ ЗИЕМЕЛЕ, ЛУИСА ЛОПЕСА ГЕРРЫ И ВИНСЕТА А. ДЕ ГАЭТАНО

Мы не можем согласиться с большинством судей относительно того, что не было допущено нарушения процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции по следующим причинам.

А. НАДЛЕЖАЩЕЕ ПРОВЕДЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Заявители жаловались в Большую Палату Европейского Суда на ряд предполагаемых недостатков в расследовании, проводившегося по факту смерти Джихана Тунча. Большая Палата пришла к выводу, что ни один из этих недостатков никоим образом не отразился на общей эффективности расследования.

1. Показания солдата M.D.

На наш взгляд, невозможно предугадать, будут ли представлять интерес показания солдата M.D., который, по-видимому, был последним, кто видел Джихана Тунча живым, прежде чем тот умер в результате ранения (см. §§ 16 и 188 Постановления Европейского Суда). Ничто в материалах дела или в доводах властей государства-ответчика не объясняет, почему M.D. никогда не был допрошен, и, по нашему мнению, Большая Палата не должна была делать вывод о незначительности данного упущения на основании своего предположения о том, что солдат не являлся важным свидетелем. Власти должны были подвергнуть сомнению свои действия по данному пункту, а Европейский Суд не должен был освобождать от того, чтобы сделать это, при отсутствии надлежащего объяснения.

В этом отношении, вопреки тому, что предполагает большинство (см. § 198 настоящего Постановления), мы отмечаем, что принципы правоприменительной практики, регулирующие роль членов семьи погибших в процедуре расследования, сами по себе не требуют, чтобы семья по собственной инициативе просила, чтобы M.D. был допрошен. В связи с тем, что эти принципы недостаточно освещены в Постановлении Европейского Суда, мы хотели бы со всем уважением изложить их кратко еще раз.

Позитивное обязательство в соответствии со статьей 2 Конвенции заключается в том, чтобы выполнить все превентивные оперативные действия, которые необходимы и достаточны для защиты лица от действий другого лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства» (*Keenan v. United Kingdom*), жалоба № 27229/95, *ECtHR* 2001-III, §§ 88–89) или в случае необходимости от себя (см. Постановление Европейского Суда по делу «Абдуллах Йылмаз против Турции» (*Abdullah Yilmaz v. Turkey*) от 17 июня 2008 г., жалоба № 21899/02, §§ 55 и 56), распространяются также на военнослужащих, поскольку являются процессуальными обязательствами, следующие

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 8 (примеч. редактора).

щими из данного положения (см. Постановление Европейского Суда по делу Кылынч и другие против Турции» (Kılınç and Others v. Turkey) от 7 июня 2005 г., жалоба № 40145/98, § 40, и Постановление Европейского Суда по делу «Салгын против Турции» (Salgın v. Turkey) от 20 февраля 2007 г., жалоба № 46748/99, § 76). В настоящем деле, как и в каждом деле, в котором лицо, за которое государство несет ответственность, погибает при подозрительных обстоятельствах, статья 2 Конвенции, таким образом, налагает на власти Турции обязательство провести «официальное и эффективное расследование», способное определить причины смерти Джихана Тунча и установить виновных лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу «Слимани против Франции» (Slimani v. France) жалоба № 57671/00, ECHR 2004-IX (извлечения), § 47).

Для достижения этих целей власти были обязаны «действовать по собственной инициативе», как только произошедшее было доведено до их сведения, и нельзя было возлагать на инициативу наследника... требовать рассмотрения конкретных версий расследования или проведения следственных процедур» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (Nachova and Others v. Bulgaria) жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, ECHR 2005-VII, § 111, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Салгын против Турции», § 87). Вместе с тем большинство судей, по-видимому, согласно с тем, что заявители могли занять место следственных органов в отношении проведения допроса М.Д., но не указали причины, которые заставили их отойти от общего принципа. Следует признать, что действия заявителя при определенных обстоятельствах могут негативно сказаться на эффективности расследования в данном случае. Тем не менее такие случаи, как правило, происходят, например, когда заявитель сознательно отказывается принимать участие в некоторых важных следственных действиях (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Ай против Турции» (Ay v. Turkey) от 22 марта 2005 г., жалоба № 30951/96, § 68, и Решение Европейского Суда по делу «Рохе Харман против Турции» (Rohe Harman v. Turkey) от 1 марта 2005 г., жалоба № 30950/96) или не сообщать властям информацию, которая известна только ему или ей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Салгын против Турции», § 73), но это не относится к родственникам Джихана Тунча.

Подводя итог, тот факт, что М.Д. не был допрошен органами, ответственными за проведение расследования по их инициативе, по нашему мнению, расценивается как недостаток в расследовании.

2. Снятие отпечатков пальцев

По тем же причинам, которые изложены выше, и *a fortiori*¹ данная позиция применима к ситуации с неснятием отпечатков пальцев с оружия, из которого был убит Джихан Тунч. В связи с этим большинство судей считало, что, хотя такое исследование «следует рассматривать как стандартную процедуру», ее отсутствие являлось «недостатком», который, тем не менее, не был «решающим» (см. § 195 настоящего Постановления). По нашему мнению, подобное исследование было условием *sine qua non*² при проведении расследования, которое имело целью опровергнуть или подтвердить различные предполагаемые версии, особенно это касается данного преступления.

Мы не можем поддержать большинство судей, когда существуют сомнения относительно возможности снять пригодные отпечатки пальцев в настоящем деле, одновременно критикуя заявителей за то, что они потребовали проведения такого исследования только через пять месяцев после завершения первого расследования (см. §§ 59–62 настоящего Постановления) при том, что оружие уже было обработано, и была выполнена его баллистическая экспертиза (см. §§ 29 и 35 настоящего Постановления).

По нашему мнению, данное исследование было бы вполне выполнимо, если бы его провели лица *ex officio*³ с использованием соответствующих технических средств сразу же после инцидента. Принимая во внимание, что в материалах дела не сказано о причинах, которые могли заставить власти отказаться от проведения этого исследования, трудно понять, как можно было предположить, что в любом случае оно не помогло бы в установлении истины. Конечно, М.С. признался, что прикасался к оружию с целью отодвинуть его, чтобы оказать помощь своему сослуживцу (см. §§ 37, 193 и 194 настоящего Постановления), и на этом основании большинство судей пришло к выводу, что даже если бы его отпечатки были бы обнаружены на винтовке, это не повлияло бы на ход расследования. Напротив, это могло стать действительно крайне важным фактором, учитывая, что в настоящем деле мы не могли даже понять, как без исследования отпечатков пальцев эксперты могли прийти к заключению, что в момент инцидента Джихан Тунч сидел, наклонившись «и держа свою винтовку в правой руке» (см. § 68 настоящего Постановления).

По нашему мнению, поскольку часть винтовки, на которой находятся курок и предохранительная скоба спускового крючка, не является той же частью, как та, за которую человек, как правило,

¹ *A fortiori* (лат.) – тем более, с тем большим основанием (примеч. редактора).

² *Sine qua non* (лат.) – обязательное, неперенное условие (примеч. редактора).

³ *Ex officio* (лат.) – по долгу службы (примеч. переводчика).

берется, когда перемещает винтовку, безусловно, ход расследования мог измениться, если бы на курке были обнаружены отпечатки пальцев М.С. Принимая во внимание, что на руках погибшего и на руках М.С. были следы от ружейного выстрела (см. § 33 настоящего Постановления), взятие органических образцов никогда не позволило бы установить, кто из двух мужчин держал или прикасался к винтовке до того, как был произведен выстрел, а порошок для снятия отпечатков пальцев позволил бы внести ясность в данный пункт, и, следовательно, власти должны были провести это исследование.

По наш взгляд, тот факт, что подобное исследование оружия не было проведено *ex officio* до того, как его загрязнение стало важным, и даже решающим, стало упущением.

3. Реконструкция событий 24 ноября 2004 г.

Что касается этой части расследования, прежде всего мы должны обратить внимание на действия военных властей, которые сознательно изменили место предполагаемого преступления до того, как процедура расследования была окончательно завершена. Они залили цементом земляной пол в помещении, где произошел инцидент. По нижеуказанным причинам мы не можем согласиться с мнением большинства, которое приняло во внимание только тот факт, что уровень пола не был поднят (несмотря на дополнительный слой бетона), и сделало вывод, что в настоящем деле эта работа, проводившаяся после первичного осмотра места происшествия, не оказала «негативного влияния» на качество реконструкции (см. § 196 настоящего Постановления). Во-первых, даже допустив, что власти действовали быстро, проводя эти работы «с целью поддержания чистоты солдатской формы» (см. § 67 настоящего Постановления), это никоим образом не повлияло на то обстоятельство, что подобная работа не только привела к тому, что дополнительное расследование, санкционированное военным судом, оказалось бесполезным (см. § 63 настоящего Постановления), но, что еще гораздо важнее, физически уничтожило доказательство, которое само по себе могло поставить под сомнение способность следствия установить факты дела (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Крэиникеану и Фрумушану против Румынии» (*Crăiniceanu and Frumușanu v. Romania*) от 24 апреля 2012 г., жалоба № 12442/04, § 94, и Постановление Европейского Суда по делу «Маккерр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*) жалоба № 28883/95, *ECtHR* 2001-III, § 137).

Во-вторых, мы отмечаем, что большинство судей, по всей вероятности, считало реконструкцию событий удовлетворительной на основании двух предположений: (а) до того, как расследова-

ние было прекращено в первый раз, власти «[приняли] надлежащие следственные действия, чтобы собрать и сохранить доказательства, имевшие отношение к рассматриваемым событиям» (см. § 184 настоящего Постановления), и (b) в ходе реконструкции событий эксперты «оцепили место происшествия» и «приняли меры для сохранности всех доказательств, которые могли оказаться важными при принятии решения по делу» (см. § 191 настоящего Постановления). Однако данное описание не является вполне удовлетворительным, поскольку отсутствует существенный элемент – пуля.

Прокурор в своем отчете ссылаясь на наличие на потолке следа от удара, «который напоминал след от выстрела» (не «был от выстрела»), и на небольшие куски цемента «с потолка» на земле (см. § 28 настоящего Постановления). Тем не менее никого не удивило отсутствие в замкнутом цементном помещении пули, которая могла оставить этот след. Мы не видели ни одной ссылки на эту пулю, которая, совершенно очевидно, не могла пробить цементный потолок, оставив только «след». Материалы дела не содержали ссылок на какое-либо научное исследование по сравнению с химическим анализом небольших кусков цемента с цементом потолка.

Следовательно, необходимо признать, что отсутствие пули причинило непоправимый вред эффективности расследования, поскольку оно окончательно разрушало версии, формировавшиеся вокруг идеи о пуле, ударяющей в потолок.

Хотя заключение о вскрытии установило, *inter alia*, что входное и выходное отверстия были причинены пулей, то есть ее траекторией прохождения через тело Джихана Тунча (см. §§ 185 и 186 настоящего Постановления), описание предполагаемой траектории выстрела не имеет никакой доказательной силы: фактически без пули след на потолке мог появиться по какой-либо иной причине и мог быть оставлен в любой день. Что касается фактов настоящего дела, мы считаем, что, если Джихан Тунч до своей гибели действительно «сидел или опирался» на «ящик для боеприпасов», и если он «пытался подняться со все еще согнутых колен» (см. §§ 43 и 68 настоящего Постановления), вполне возможно, что человек, поднимаясь, мог случайно или иначе выстрелить в себя из собственной винтовки. Согласно данной версии выстрел был бы произведен с высоты талии мужчины, пуля прошла бы через тело, через те же входное и выходное отверстия, и в конце ударила бы в пол, который в это время был земляным.

Поверхность пола, залитая кровью, возможно, была неудобной для обнаружения пропавшей пули, и неприменение металлоискателя приводит к выводу, что маловероятно, что пуля могла быть обнаружена до возвращения экспертов на место происшествия, которое тем временем было зацементировано. Какое из вышеперечисленных упу-

щений повлияло на уголовное расследование, принимая во внимание роковую пулю и последующее решение о заливке цементом места предполагаемого преступления и, возможно, этой пули?

4. Наш предварительный вывод

Мы не отрицаем, что процессуальное обязательство, предусмотренное статьей 2 Конвенции, является одним из средств, или что – в частности, в отношении расследования предполагаемых действия другого человека – характер и объем расследований должны оцениваться с учетом практических реалий следственной работы (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Великова против Болгарии» (*Velikova v. Bulgaria*) жалоба № 41488/98, *ECHR* 2000-VI, § 80) и в соответствии с неотъемлемыми ограничениями контекста (см. Решение Европейского Суда по делу «Менсон против Соединенного Королевства» (*Menson v. United Kingdom*) жалоба № 47916/99, *ECHR* 2003-V). Однако в настоящем деле мы не видим какого-либо обстоятельства, происходящего в данном конкретном контексте, которое оправдало бы более гибкое применение процессуальных требований, установленных статьей 2 Конвенции.

Напротив, мы считаем, что должна быть занята жесткая позиция, принимая во внимание военный характер обстоятельств на начальной стадии настоящего дела, который касается смерти молодого человека, служившего в вооруженных силах, на объекте, который находился под контролем или, по крайней мере, охранялся военными властями и на котором все органы и лица, которые были привлечены в ходе расследования, принадлежали к военным как к институту, хотя главный подозреваемый сам был призывником, проходившим военную службу в жандармерии.

В связи с этим мы ссылаемся на Постановление Европейского Суда по делу «Аккум и другие против Турции» (*Akkum and Others v. Turkey*), жалоба № 21894/93, *ECHR* 2005-II, § 211, Постановление Европейского Суда по делу «Мансуролу против Турции» (*Mansuroğlu v. Turkey*) от 26 февраля 2008 г., жалоба № 43443/98, §§ 78–80, и на Постановление Европейского Суда по делу «Бекер против Турции» (*Beker v. Turkey*) от 24 марта 2009 г., жалоба № 27866/03, § 42, которые требуют, чтобы обязательство провести «официальное и эффективное расследование» применялось с необходимой строгостью при выяснении обстоятельств инцидента, который произошел в районе, находящемся под исключительным контролем властей или представителей государства и в котором последние являются лицами, которые, с одной стороны, должны находиться в курсе событий и, с другой стороны, иметь доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть

обвинения, выдвинутые в отношении них пострадавшими лицами.

Мы приходим к выводу, что, хотя расследование в целом было проведено незамедлительно, имели место недостатки и упущения, которые рассматриваемые по отдельности или в совокупности были таковы, что нарушали способность расследования установить факты, сопровождавшие смерть Джихана Тунча, тем более, что в результате нельзя признать, что лица, ответственные за расследование, тщательно изучили различные версии следствия и отклонили уголовные версии (см. для сравнения §§ 206, 208 и 209 настоящего Постановления).

В. УЧАСТИЕ СЕМЬИ ПОГИБШЕГО В РАССЛЕДОВАНИИ

Мы не можем полностью согласиться с выводом большинства судей о том, что документы и информация, передававшиеся заявителям, и средства доступа, находившиеся в их распоряжении, были соответствующими, и что эти элементы позволили им эффективно осуществлять свои права (см. §§ 213 и 214 настоящего Постановления), другими словами, эффективно участвовать в разбирательстве (см. § 216 настоящего Постановления). Действительно, даже больше, чем сам вывод, это доводы большинства судей о том, что мы считаем недостаточным в качестве прочной основы для подобного вывода, принимая во внимание довольно избирательный выбор выдвинутых принципов и примеров.

Возвращаясь к нашему предыдущему комментарию, касающемуся особого военного характера ситуации в данном деле, мы предпочли бы, чтобы факты оценивались в большей связи с объективно сравнимыми ситуациями, а не с теми, на которые ссылались большинство судей (см. §§ 179 и 210–212 настоящего Постановления), которые являются лишь относительно сопоставимыми. Например, мы бы включили Постановление Европейского Суда по делу «Салгын против Турции» (*Salgın v. Turkey*), в котором Европейский Суд установил нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции. В этом Постановлении на основании допущения, ставящего более широкое условие о том, что соблюдение требований статьи 2 Конвенции требует, чтобы родственники пострадавшего могли «принимать участие в расследовании» с целью установить причины смерти (см. также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Слимани против Франции», §§ 29 и 48), указывалось (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Салгын против Турции» (*Salgın v. Turkey*), § 89):

«Европейский Суд также отмечает, что заявитель на практике был исключен из расследования: он не мог ни получить доступ к документам, ни принять участие в расследовании и даже не мог быть заслушан судьей до вынесения постановления о невозбуждении уголовного преследования... Этот запоздалый и ограниченный доступ к расследованию не является удовлетворительным. Заявитель должен активно участвовать в процедуре, и его показания следовало бы заслушать... независимо от вопроса о том, мог ли он убедить власти своими показаниями».

Следовательно, мы полагаем, что было бы целесообразно изложить доводы, почему большинство судей не считают себя обязанными следовать аналогичному обоснованию, чтобы мы могли установить различие между ситуациями с семьей Салгын и семьей заявителей, которые также никогда не участвовали и не были заслушаны в ходе расследования. Кроме того, ничто не указывает на то, что с начала расследования до 16 июля 2004 г. (см. § 60 настоящего Постановления) заявителей хотя бы информировали о проводившемся расследовании по факту «подозрительной смерти» их сына.

Кроме того, мы ясно понимаем объем ссылок на правоприменительную практику, согласно которой допускается обоснованный доступ к расследованию общественности и родственников пострадавшего на других этапах разбирательства (см. §§ 179 и 212 настоящего Постановления). Тем не менее мы еще раз предпочли бы, чтобы эти ссылки были более полными с целью подтвердить, что обобщенное толкование касается, в частности, дел, в которых «разглашение или публикация отчетов полиции и следственных материалов может затрагивать деликатные вопросы, с возможным юридическим действием, наносящим ущерб частным лицам или другим расследованиям» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджио против Италии» (*Giuliani and Gaggio v. Italy*) жалоба № 23458/02, *ECHR* 2011 (извлечения), § 304). В этом отношении мы хотели бы видеть подтверждение возможности совершения таких наносящих ущерб юридических действий в обстоятельствах настоящего дела.

С. НЕЗАВИСИМОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВОДИВШЕГОСЯ ВОЕННЫМ СУДОМ

Мы подписали предварительные заключения Большой Палаты, имеющие своей целью определение различия и нюансов оценки критерия независимости в зависимости от того, касались ли они статьи 6 Конвенции или статей 2 и/или 3 Конвенции (см. §§ 217–221 настоящего Постановления). Мы также считаем, что установленный законом критерий для проверки требования независимости по смыслу статьи 6 Конвенции необязательно должен оцениваться аналогичным образом при рассмотрении вопроса о неза-

висимости расследования с точки зрения процессуальных обязательств (см. § 222 настоящего Постановления).

Из всех прецедентов правоприменительной практики, анализируемых большинством судей (см. ссылки в §§ 222 и 231 настоящего Постановления), очевидно, что Европейский Суд независимо от проблем, которые он может установить по собственной инициативе, принимая во внимание независимость в силу закона (в широком смысле этого термина) следственных и надзорных органов, предпочитает конкретное изучение расследования, взятого в целом, оценивая, могли ли и в какой степени эти проблемы поставить под угрозу его эффективность.

Основываясь на обстоятельствах настоящего дела, прежде всего необходимо отметить, что, учитывая нормы, действовавшие в рассматриваемое время, имели место факторы, которые вызывали серьезные сомнения относительно независимости в силу закона всех военных судов и, в частности, военного суда 2-го корпуса военно-воздушных сил, находившегося в г. Диярбакире, который должен был рассмотреть кассационную жалобу заявителей в отношении постановления прокуратуры о невозбуждении уголовного преследования.

Во-первых, один из трех судей данного суда был кадровым офицером, и на него не распространялись те же гарантии независимости, что на двух других судей. Он являлся частью военной структуры, которая действовала по принципу иерархического подчинения, и в этом качестве нес ответственность за любые нарушения военной дисциплины.

Данный факт ранее привел к решению Конституционного суда Турции, в котором он постановил, что имевшаяся ситуация противоречила конституционному принципу независимости судебной системы, и аннулировал законодательное положение, предусматривающее присутствие кадрового офицера в составе военных судов.

Во-вторых, как и прокуроры, военные судьи в соответствующее время подлежали оценке командира воинской части, в которой они исполняли свои служебные обязанности, в связи с их «аттестационным листом офицера». Несмотря на другие гарантии, находящиеся распоряжении судей, такие как особая система назначения, требовавшая, в частности, участия президента республики (см. § 88 настоящего Постановления), особую ссылку на их независимость в Конституции и законодательстве (см. §§ 86 и 87 настоящего Постановления), запрет давать им рекомендации или делать предложения и пытаться повлиять на судебное решение (см. там же) и уголовно-правовые положения в отношении любой попытки сделать это (см. §§ 89 и последующие настоящего Постановления), данное обстоятельство является таковым, что оно порождает опасения относительно их незави-

симости. Действительно, Конституционный суд Турции (8 октября 2009 г.) пришел к выводу, что эта часть системы оценки была несовместима с Конституцией, и аннулировал ее (см. §§ 99–102).

Большинство судей не отрицают беспокойство, созданное правовой ситуацией, связанной с указанным обстоятельством (см. §§ 237, 247 и 254 настоящего Постановления), но делает другие выводы. Их главный довод заключается в том, что этого беспокойства самого по себе недостаточно, чтобы сделать вывод, что оспариваемое расследование не было независимым.

Тем не менее следует отметить, что подход Конституционного суда Турции прекрасно согласовался со статьей 53 Конвенции, которая дает государствам-участникам возможность предоставлять лицам, находящимся под их юрисдикцией, более надежную защиту, чем та, которая предусмотрена Конвенцией (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Сусо Муса против Мальты» (*Suso Musa v. Malta*) от 23 июля 2013 г., жалоба № 42337/12, § 97, и Постановление Европейского Суда по делу «Окиай и другие против Турции» (*Okuy and Others v. Turkey*) жалоба № 36220/97, *ECHR* 2005-VII, § 68). Посредством системы коллективного осуществления прав, которую она устанавливает, Конвенция в соответствии с принципом субсидиарности усиливает защиту, предоставляемую на внутригосударственном уровне, но не ограничивает ее (см. Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*) от 30 января 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, § 28, Постановление Европейского Суда по делу «Шамаев и другие против Грузии и Российской Федерации» (*Shamayev and Others v. Georgia and Russia*) жалоба № 36378/02¹, *ECHR* 2005-III, § 500, и Постановление Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты» (*Micallef v. Malta*) от 15 января 2008 г., жалоба № 17056/06, § 44).

С нашей точки зрения и принимая во внимание вышеуказанный принцип, необходимо особо подчеркнуть, как это сделал Конституционный суд, значение тех элементов, которые негативно сказываются на независимости в силу закона военных судов. В связи с этим следует обратить внимание на роль, которая была отведена данному органу, поскольку он являлся единственным средством кассационного обжалования, в который заявители могли подать свои жалобы, касавшиеся расследования, проведенного прокуратурой, и попытаться исправить то, что они считали недостатками в нем.

Также необходимо принять во внимание конкретный контекст, в котором происходили оспариваемые события. Дело касается смерти военнослужащего, когда он исполнял свои служебные обязанности, на объекте, который находился под контролем или по крайней мере под охраной военных властей. Кроме того, все лица, которые были привлечены в ходе расследования, были связаны с несением военной службы, хотя сам главный подозреваемый являлся призывником, проходившим воинскую службу в жандармерии. Надо признать, что все эти органы относились к разным корпусам: прокурор был прикреплен к армейской части, судьи исполняли свои обязанности в части военно-воздушных сил, а следователи были из жандармерии, которая не находится в прямом подчинении Генерального штаба вооруженных сил. Тем не менее все эти корпуса формируют составные элементы вооруженных сил, дислоцированные в одном регионе.

Мы считаем, что большинству судей следовало уделить больше внимания этому обстоятельству и проявить особую твердость в отношении применения требования независимости с целью «сохранить общественное доверие в приверженности властей к верховенству закона и не допустить проявления сговора или терпимого отношения к незаконным действиям» в настоящем деле (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии» (*Angelova v. Bulgaria*) жалоба № 38361/97, *ECHR* 2002-IV, § 140).

Следовательно, военный суд, который был ответственным за окончательное расследование, не предоставил достаточных гарантий независимости, и данный недостаток был подтвержден Конституционным судом (см. §§ 93 и 99–102 настоящего Постановления), хотя он вмешался только на одном этапе, на котором заявители действительно могли предоставить свои жалобы, а он мог исправить недостатки, допущенные в расследовании.

Д. ОБЩИЙ ВЫВОД

Мы считаем, что, принимая во внимание неоправданное непроведение исследования отпечатков пальцев на оружии и необъясненное непроведение допроса солдата М.Д., а также зависимость суда, ответственного за окончательное расследование событий, которые произошли в армии, расследование по факту гибели Джихана Тунча не соответствовало требованиям статьи 2 Конвенции.

По вышеуказанным причинам мы можем головосовать только за установление нарушения процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции.

¹ См.: Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация. 2005. № I (примеч. редактора).